ПИОНЕР

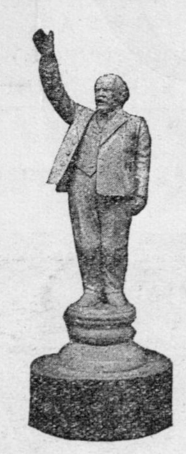

2

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ДЕДУШКИ

ФЕЛИКС КОН

Четыре года прошло со дня смерти Ленина. Ужасная весть об этой великой, невознаградимой потере потрясла не только взрослых рабочих и крестьян, работниц и крестьянок, но и детей. Они оплакивали своего дорогого „дедушку“, и они не могли оторвать заплаканных глаз от лежавшего в гробу Ильича в Колонном зале Дома Союзов...

Притихли дети, присмирели, может быть, и не понимая, но сердцем чувствуя, что умер человек, равного которому никогда не было на свете,— человек, который всю жизнь свою жил мыслью о миллионах угнетенных рабочих и крестьян, изнемогающих в труде и бьющихся беспомощно в тенетах нужды и нищеты.

Жалостью к обездоленным были проникнуты многие. Но такие, как Ленин, не могли успокоиться на том, что пожалеют, посочувствуют, повздыхают.

Со злом, с несправедливостью, с гнетом, с эксплоатацией нужно бороться. Их нужно вырвать с корнем. Эта непримиримость с тем, что он считал злом, борьба с ним, чем бы она лично ему ни грозила,—это первое, что выделяло Ильича из серой массы его товарищей по гимназии, по университету. Его арестовывали, ссылали, но, освободившись из тюрьмы, он вновь и вновь начинал борьбу. За ним гнались, его ловили, он скрывался, прятался, но продолжал звать на борьбу, продолжал организовывать массы.

Борцов за освобождение рабочих и крестьян было много. Их вешали, мучали в каторге, целыми годами держали в тюрьмах. Одни уставали и отставали от движения, другие по выходе из тюрьмы так же, как Ленин, вновь брались за работу. Но Ильич выделялся даже из среды самых отважных, самых преданных борцов. Поражения он выносил стойко. После поражения изучал причины неудачи. На ошибках сам учился и учил других. Он был вождем.

Быть вождем вовсе не значит командовать другими. Чтоб быть вождем, надо прежде всего понимать, что чувствуют массы рабочих и крестьян. Эти массы чувствуют на своей спине и свою нужду и гнет помещиков и капиталистов. Они рады бы сбросить тяготеющее над ними иго, рады бы быть свободными. Но они долго не знали, как добиться этой свободы. Бывало раньше, что трудящимся массам становилось невтерпеж, и они рвались в бой. Но против них отправляли войска, их убивали, бросали в тюрьмы, и они, побежденные, вновь подчинялись гнету и насилию.

Ленин был вождем потому, что он указывал пути, как бороться. В первые годы он организовывал, скоплял силы, не допуская до выступлений прежде, чем этих сил не накопится достаточно. А так как против рабочих и крестьян для усмирения посылались солдаты—те же рабочие и крестьяне, только взятые на военную службу,—то он указывал на необходимость вести среди них пропаганду и объединить их с их братьями в городе и деревне.

Но не только поэтому Ленин был вождем. Он знал, что когда массы начнут дружно напирать, то помещики и капиталисты пойдут на уступки. Но, ведь, те уступки, которых трудящиеся могли добиться, мало меняли их положение.

Рабочих и крестьян—миллионы, а горсточка их угнетателей. Она правит страной, сама живет в роскоши, а миллионы держит в нужде, а когда ей это выгодно, то посылает их на смерть, как это было во время империалистической войны.

Ленин добивался того, чтобы раз и навсегда покончить с такими порядками, стремился к тому, чтобы хозяевами страны были те, кто работает, а не тунеядцы, которые живут трудом других. Ленин всю жизнь стремился к этому, веря в силу масс, веря в то, что когда массы убедятся, что этого можно добиться, они не остановятся ни перед какими жертвами. Эту свою веру он передавал массам, и, озаренные этой верой, массы пошли по указанному им пути и победили.

Теперь у нас уже другие порядки. Теперь у власти рабочие и крестьяне. Теперь и дети рабочих и крестьян—в другом положении, чем раньше. Они учатся, развиваются и готовятся на смену отцов, чтобы продолжать дело Ленина.

Раньше они только сердцем чувствовали, какое великое дело сотворил Ленин и созданная им партия. Теперь они это уже не только чувствуют, но и понимают и свято хранят память великого учителя, своего дорогого „дедушки Ленина“.

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м.—3 р. — к.
„ 6 „ —1 „ 60 „
„ 3 „ — „ 85 „
„ 1 „ — „ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Нов. площ., 6/8.
Издательство
„Молодая Гвардия"

№ 2 ЯНВАРЬ 1928 г.

ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ ЕДИНА

В Москве в декабре м-це состоялся XV по счету с'езд коммунистической партии нашей страны.

С'езд продолжался три недели и имел огромное значение для жизни всей нашей страны. Более 1.000 чел. лучших представителей партии Ленина, те, кто руководят работой наших правительственных учреждений, наших фабрик, заводов и предприятий, собрались на с'езд, чтобы наметить путь, по которому должна двигаться наша страна в дальнейшем.

Каков же этот путь?

На с'езде было отмечено, что рабочие и крестьяне СССР, наши отцы и братья, за 10 лет существования советской власти без капиталистов так восстановили свое хозяйство, что сейчас у нас фабрик, заводов и различных товаров стало больше, чем было при царе.

С'езд определил также, что мы должны будем сделать в течение ближайших 5 лет в деле строительства новых фабрик, электрических станций, школ и т. д. К 1931 году, по этому пятилетнему плану, у нас должно быть товаров вдвое больше, чем было в царское время, а заработная плата рабочих (твоего отца, брата и т. д) должна быть выше на 50%; скажем, вместо 100—150 р.

С'езд одобрил решение нашего правительства о переходе на 7-часовой рабочий день, вместо 8-часового, который есть сейчас у нас. При этом у рабочего будет оставаться больше времени, которое он должен употребить для того, чтобы больше учиться, читать, чтобы лучше, чище уметь работать на своей фабрике, у своего станка.

Молодежь — комсомольцы, школьники, пионеры должны не забыть, что учиться, читать, увеличивать свои знания — это также наша задача. Выполним ее хорошо — значит оправдаем надежды, которые возлагает на нас партия и государство.

С'езд исключил из рядов коммунистической партии Троцкого, Зиновьева, Каменева и их единомышленников.

Почему с'езд был вынужден это сделать?

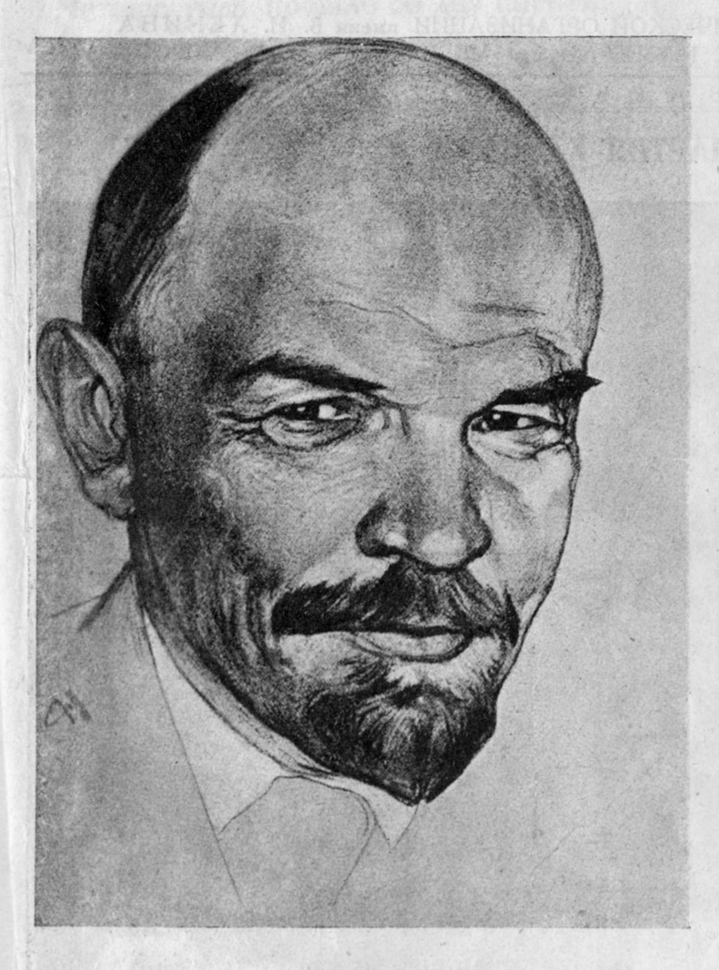
Потому, что эти товарищи уже не верят в нашу конечную победу. Они говорили и говорят, что мы перерождаемся (передаемся на сторону буржуазии), что государство наше не может без помощи иностранной техники стать индустриальным (промышленным) государством, что положение рабочего класса у нас не улучшается, а ухудшается. В своей борьбе против всей партии эти отдельные товарищи дошли до того, что ушли в подполье, организовывали нелегальные типографии, выступали с демонстрациями против партии и советской власти. Таким образом они старались разрушить партию и советскую власть, которую строил В. И. Ленин. Они предали и забыли его учение. Поэтому им нет места в ленинской партии.

Партия, исключив этих товарищей, стала еще более единой, крепкой и сплоченной, на страх всем нашим врагам.

На снимке — делегаты с'езда выбирают ленинский ЦК.

КАК УЧИЛСЯ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Воспоминания Анны Ильиничны ЕЛИЗАРОВОЙ

Владимир Ильич был с детства очень способным, учился легко и охотно. Читать его и сестру его Олю — на полтора года моложе его — выучила мать. Володе было тогда 5—6 лет. Писать он научился у учителя одной из приходских школ Симбирска, бегая к нему на часок в день. Помню, как, прибегая оттуда, он показывал отцу грифельную доску с записанными на ней буквами и словами, и как отец, отрываясь от своей работы, просматривал его урок.

Отец с самого начала очень серьезно относился к его занятиям, как и к занятиям своих старших детей. Кроме руководства отца, на Володю имел большое влияние старший брат Саша. Чрезвычайно исполнительный и настойчивый в работе, Саша являлся живым примером того, как надо было учиться. А так как младшие всегда подражают старшим, а Володя, кроме того, горячо любил брата и старался следовать его примеру во всем, — то у него с раннего детства стала вырабатываться привычка серьезно выполнять все заданное, прорабатывать все изучаемое основательно до конца.

Но благодаря выдающимся способностям во время подготовки к гимназии и первых лет в ней, в младших классах, у Володи оставалось все же много свободного времени.

Вследствие привычки серьезно относиться к делу, Володя, как он ни был шаловлив и боек, на уроках слушал внимательно. Эта большая внимательность, как отмечали в то время его учителя, вместе с бойкими способностями давала ему возможность хорошо усваивать еще в классе всякий новый урок, так что ему почти не приходилось повторять его дома. Помню, как быстро оканчивал он уроки в младших классах, а потом начинал шалить, ходил колесом и мешал нам, старшим, учившимся в той же комнате. Отец уводил его иногда к себе в кабинет, чтобы проверить уроки, и спрашивал латинские слова по всей тетради, но обычно Володя все знал. Много также читал он в детстве. Отцу присылали все вновь выходящие детские книги и журналы, подписывались мы и в библиотеке.

Постоянной подругой игр Володи была сестра Оля (родилась 4 ноября 1871 г.). Очень способная, живая и бойкая девочка, она четырех лет выучилась около него читать и училась тоже очень легко и охотно. Кроме того, напоминая некоторыми чертами характера брата Сашу, Оля была чрезвычайно трудолюбива. Помню, как в одном из последних классов гимназии Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: „Вот чьей работоспособности можно позавидовать". Сознав это, Володя стал развивать и в себе трудоспособность, которой все мы удивлялись в его позднейшие годы и которая, на ряду с его прекрасными способностями, помогла ему достичь таких блестящих результатов.

Охотно делился Владимир Ильич своими познаниями с товарищами по школе, объ-

ясняя им трудные уроки, задачи, сочинения и переводы с греческого и латинского. А в последних двух классах гимназии он, кроме своих уроков, занимался с одним учителем-чувашином, подготовляя его к выпускному экзамену для поступления в университет. Занимался бесплатно, так как платить последнему было нечем. И Владимир Ильич подготовил-таки своего ученика, несмотря на его малоспособность. Он сдал экзамен и смог заниматься в университете своей любимой математикой.

В 1886 году, когда Володе не исполнилось еще 16 лет, умер его отец, Илья Николаевич, а годом позже семью постигло другое тяжелое несчастье: за участие в покушении на царя Александра III был арестован, приговорен к смертной казни и затем казнен—8 мая 1887 г.—его старший, любимый брат Александр. Несчастье это произвело сильное впечатление на Владимира Ильича, закалило его, заставило серьезнее задуматься над путями, которыми должна была итти революция.

Начальству симбирской гимназии был объявлен выговор за то, что оно выпустило с лучшей аттестацией и с золотой медалью такого „ужасного преступника". Думали, что нельзя дать золотой медали и его брату Владимиру Ильичу, но успехи последнего за все 8 лет гимназического учения были настолько выдающимися, ответы его на выпускном экзамене — настолько блестящими, что нельзя было лишить его, как и сестру его Ольгу, золотой медали. Он получил эту медаль и поступил в Казанский университет, на юридический факультет. Мать с остальными детьми, продав в Симбирске дом и лишнее имущество, переехала тоже в Казань. Но тот гнет, который и без того тяжело лежал на студенчестве в 80-х годах прошлого столетия, еще более усилился после покушения 1 марта 1887 года, участниками которого были студенты. Инспекторами студентов назначались настоящие полицейские ищейки, были закрыты все самые невинные студенческие общества, распущены все организации, поарестованы и исключены многие.

Студенты стали протестовать во всех университетах. Произошли так называемые студенческие беспорядки и в Казанском университете. Владимир Илич тоже принял участие в неразрешенной сходке и был, в числе других, исключен из университета и выслан из Казани в деревню Кокушкино. Этим исключением окончились для него ученические годы. Двери высшей школы были закрыты для него. В ходатайствах его и его матери об обратном поступлении в университет было отказано, главным образом, конечно, из-за того, что он был братом Александра Ильича.

Таким образом, школьная учеба закончилась для Владимира Ильича в 17 лет. Но он был настолько сознательным, что сумел самостоятельно, без всякой посторонней помощи, закончить свое образование.

Ильич среди своих близких родных

Сидят: рядом с Вл. Ильичем—Надежда Константиновна Крупская и Анна Ильинична Елизарова—сестра В. И.,—автор воспоминаний. Стоят: слева направо Мария Ильинична и Дмитрий Ильич,—сестра и брат Ленина

КАК ОТДЫХАЛ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

По личным воспоминаниям В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Если Владимир Ильич умел изумительно выдержанно, напряженно и систематически работать, то он так же хорошо умел отдыхать, проводя определенное им самим на отдых время вполне целесообразно, пунктуально выполняя предписания врачей, если отдых его совпадал с лечением. К величайшему несчастию нашему, заваленный вечно работой и притом самой ответственной работой, отдыхал-то он крайне мало и очень редко и тем подорвал свое здоровье, свои силы и преждевременно сошел в могилу.

Мне несколько раз в жизни приходилось близко соприкасаться с Владимиром Ильичем как раз во время его отдыха, и я хочу здесь, как умею, описать кратковременное его пребывание в Финляндии у меня на даче, перед самым июльским восстанием.

В конце июня 1917 г. Владимир Ильич почувствовал себя крайне утомленным. В политической жизни наступило затишье. Товарищи стали настоятельно просить его отдохнуть.

Я в это время тоже отправился отдохнуть к своей семье, которая в то время проживала близ станции Мустамяки, по Финляндской жел. дор., в деревне Нейвола, где мы имели небольшую дачу. Владимир Ильич несколько раз собирался к нам приехать, что называется, подышать свежим воздухом, но дела не допускали.

Уезжая, я еще раз сказал ему, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне, что комнаты для них приготовлены и ожидают своих жильцов.

У меня было мало надежды, что Владимир Ильич вырвется из петроградского пекла, хотя я и знал, что он уже опять лишился сна, что у него появились головные боли, его лицо побледнело; глаза говорили об очень большом утомлении.

И вдруг неожиданно 27 июня часов в пять вечера, смотрю и прямо не верю глазам своим, помню, даже растерялся как-то: шествует прямо на балкон по лестничке Демьян Бедный, загораживая своей широкой спиной всех остальных. За ним Владимир Ильич с маленьким чемоданчиком в руках и тут же Мария Ильинична.

Демьян, шутя и каламбуря, заразительно смеясь и радуясь нескрываемой радостью, кричал:

— Вот вам какого гостя веду... Нет, Вера Михайловна[1], как вам угодно, а по этой причине без лекарства я не уйду... У меня и так живот болит, а теперь нет-с, по такому счастливому случаю – пожлуйте капелек...

— Это что за капли такие заведены здесь для умирающего Демьяна Бедного? — весело и приветливо заговорил Владимир Ильич, здороваясь с бросившейся ему навстречу Верой Михайловной.

Оказалось, что Владимир Ильич вдруг решил поехать отдохнуть и с вокзала в Мустамяках направился, по конспиративной привычке, не прямо туда, где предположил прожить, а на извозчике к Демьяну Бедному, и уж от Демьяна, когда уехал извозчик, пешком ко мне за полторы версты. Мы, зная привычку и потребность Владимира Ильича нередко оставаться в совершенном одиночестве, прежде всего показали ему и Марии Ильиничне небольшие полумансардные комнатки, тотчас же рассказали весь порядок дня, время еды и пр., дабы этим предоставить полную свободу действий Владимиру Ильичу. Между собой условились всеми мерами приноравливаться к его потребностям, но сделать это совершенно незаметным для него, ибо мы знали всю величайшую степень деликатности Владимира Ильича, его стеснительность и вечное стремление всем помочь, забыв о себе.

В первый же вечер, когда наступила изумительная финляндская предночная тишина, когда чуть шелестящий ветер еле заметно колыхал нежную дымку вечернего тумана, а яркий закат золотил и разукрасил дали, иссинил поля и бросил в жар и зарево огромного пожара дальний горизонт блестящего сталью, переливающегося, казалось, безбрежного озера, когда вдруг робко, а потом все смелей, все голосистей стали перекликаться ночные птицы и, плавно рея, почти без звука, прошмыгивали где-то близко летучие мыши, сразу шарахаясь в сторону при резком крике совы, когда все утомленное стало дремать под заливной и утешительно-спокойный стрекот кузнечиков и всякой иной луговой братии, бодро живущей по ночам, — Владимир Ильич, опершись о спинку кресла, задумался, ушел в себя, при полном молчании всех,

[1] Доктор Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич), моя жена, член коллегии Наркомздрава, умершая 30 сентября в 1918 г. от испанки.

к счастью, понимавших, что разговоры излишни... И было тихо, тихо...

Он встал и тихонько пошел к себе. Вера Михайловна, более всего беспокоясь о его бессоннице, попросила его выпить заранее приготовленное в рюмочке снотворное зеленоватое лекарство. Он покорно выпил, точно хотел сделать удовольствие всем, и тихонько, задумчиво и грустно поднялся на верх.

— Лишь бы уснул,—шепнула Вера Михайловна...

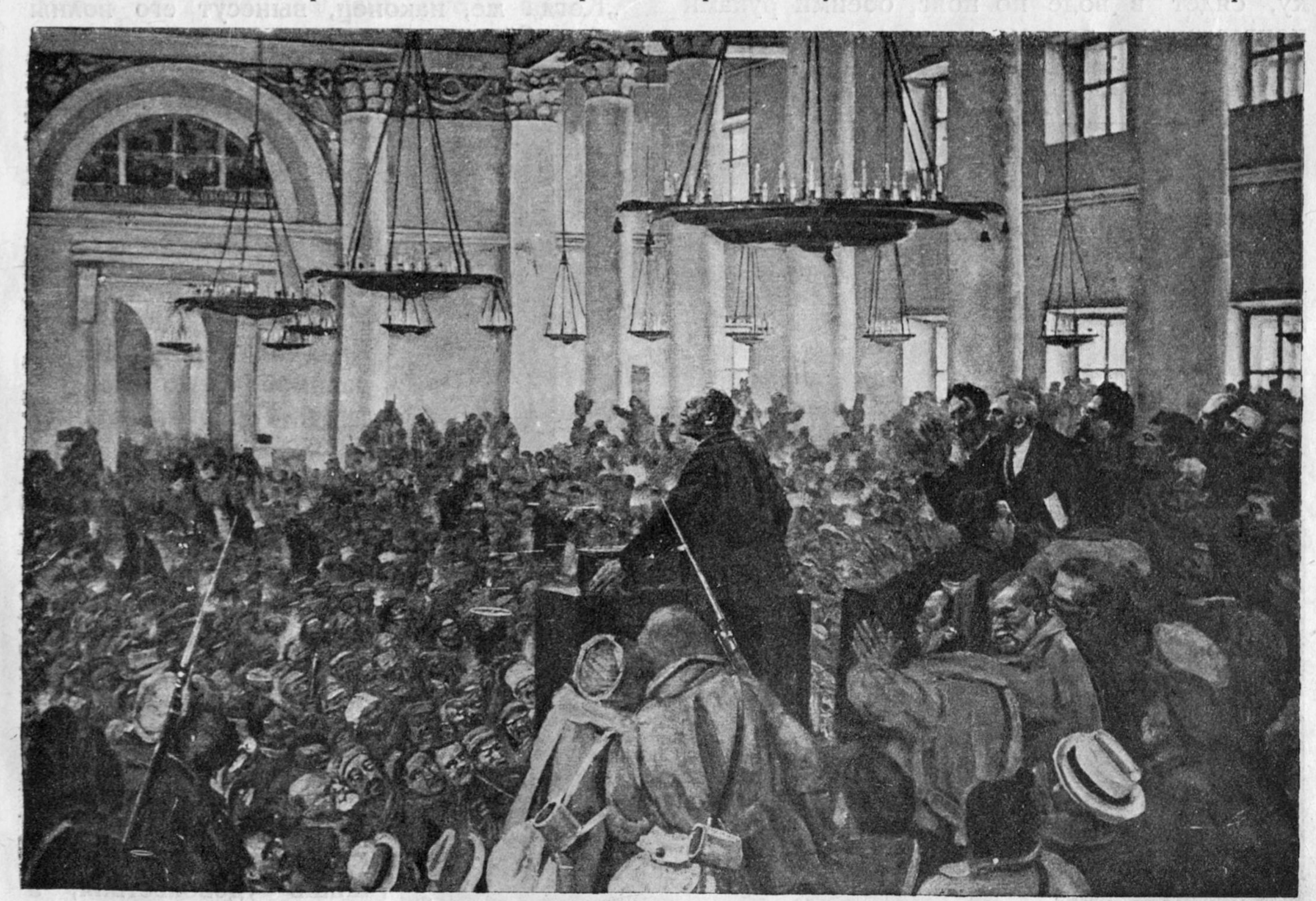
Мы распрощались с Марией Ильиничной. Оставшись внизу, говорили полушопотом, ходили на цыпочках, словно боясь нарушить тишину прекрасного июньского вечера, окутавшего покой Владимира Ильича. И этот покой был для нас священен. На утро оказалось, что Владимир Ильич действительно уснул в эту ночь больше, чем все последнее время, и во всяком случае все остальное время ночи, когда крепкий сон стал миновать, провел без головной боли, в полусне. Он встал бодрым.

— Как хорош воздух, прямо замечательно хорошо!—сказал он, выйдя в сад, осматривая наш маленький огород, и тотчас забросал меня вопросами: какая здесь земля? Много ли надо навоза? Что дает огород? Хватает ли на нашу семью? Сколько нужно поливать? Много ли времени уходит на полку?

— Э, да что с вами говорить!—весело сказал он.—У вас все будет хорошо,—вот мы поговорим с няней,—и он тотчас же стал расспрашивать вышедшую в сад нашу няню, которая, как и мы все, усердно работала все свободное время в огороде.

С каждым днем к нему все больше возвращался сон, и сам он становился бодрее.

Нередко он, по большей части с Марией Ильиничной, а иногда и всей нашей компанией, ходил гулять к озеру, на берегу которого он любил подолгу просиживать. Несколько раз я ходил с ним купаться, и так как он был замечательный пловец, то мне бывало жутко смотреть на него: уплывет далеко-далеко в огромное озеро, линия другого берега которого скрывалась в туманной дали, и там где-то ляжет и качается на волнах... А я знал и предупреждал его, что в озере есть холодные течения, что оно вулканического происхождения и потому крайне глубоко, что в нем есть водовороты,

Ленин на 2-м Съезде Советов

В. И. Ленин выглядит необычно, без бороды, на этой картине: он брил ее незадолго до съезда, чтобы не быть узнанным ищейками Временного Правительства.

омуты, что, наконец, в нем много тонет людей и что по всему этому надо быть осторожным и не отплывать далеко.

Куда там!..

— Тонут, говорите?..—переспросит бывало Владимир Ильич, аккуратненько раздеваясь.

— Да, тонут,—вот еще недавно...

— Ну, мы не потонем... Холодные течения, это неприятно... Ну, ничего мы, на солнышке погреемся...—Глубоко, говорите?..

— Чего уж глубже!..

— Надо попробовать достать дно...

Я понял, что лучше ему ничего этого не рассказывать, так как он, как настоящий, заядлый спортсмен, все более и более каждый раз при этих рассказах начинает распаляться, приходить в задор.

Не успеешь и оглянуться, как он уже побежал по отлогому береговому дну озера, потом сразу сверкнет дельфином, руками вперед, бултых!—и пропал... И нет, и нет его...

Какие только мысли в эти тягостные минуты не пройдут в голове?..

И вдруг там далеко, далеко неожиданно выскочит над водой, перевернется на спинку, сядет в воде по пояс, обеими руками приглаживает волосы, венком оторачивающие поблескивавшую на солнце голову, утрет лицо, избавляясь от лишней влаги, и кричит и манит, и рад, и доволен...

— Что же вы там так долго?—здесь прекрасно! Очень хорошо!..

Играет с водой и двигается, и ныряет, точно он всю свою жизнь только то и делал, что плавал и был на воде. И вдруг его опять нет. Ждешь, ждешь. Нет и нет! И опять еще дальше, уже плывет, голова чуть виднеется; вот лег на спину, отдыхает, потом сразу перевернулся и зачесал саженками, да какими! Сильными, огромными,—летит, что твой катер. Большая голова виднеется издали, глаза устремлены, поблескивают...

— Дна не достал, там шибко глубоко. Хо-р-р-о-о-шо!..—кричит.

И опять замахал, и опять скрылся...

Вот, видимо, решил домой. Быстро перевернулся на спину и еще быстрей, полным ходом, пошел необычно, ногами вперед, а руки, кисти рук, так и мелькают около пояса, как лопасти речного парохода, и скоро он приближается и вот, кажется, совсем уже должен выйти. Но никак не может отказать себе в удовольствии: разом кувыркнулся и пропал, выскочил, опять кувыркнулся...

„Когда же, наконец, вынесут его волны на берег?“

И вот сразу выкатился, как шар, из воды и давай тут же в озере нагонять волну на волну... Поиграл, неожиданно выскочил и побежал по низкой воде к берегу...

Наконец-то!..

Доволен из всех сил... Хвалит озеро... Хвалит разнообразную температуру... Говорит, как попал в холод — словно обожгло, а потом—на солнышко. И нырял глубоко: ни травы, ни дна, ничего не видно, даже темно в воде...

Трунит над боящимися воды, говорит, как завтра будет снова купаться... Вижу, дело серьезное...

Звать кого-либо в компанию, пловцов хороших нельзя, — рассердится и купаться не пойдет, лишишь удовольствия, а так — жуть берет. Ведь в самом деле озеро опасное!

Загэс и памятник В. И. Ленину — *Рис. худ. И. НИВИНСКОГО*

Финские рыбаки, родившиеся здесь, и те боятся его и не решаются купаться далеко от берега.

Что тут делать?

Решил, тайно от Владимира Ильича, приспособить лодку, с которой я великолепно управляюсь и в былое время на гонках ходил первым. Иду в тот же день нанять и хочу перегнать лодку с другого участка озера поближе к месту купанья.

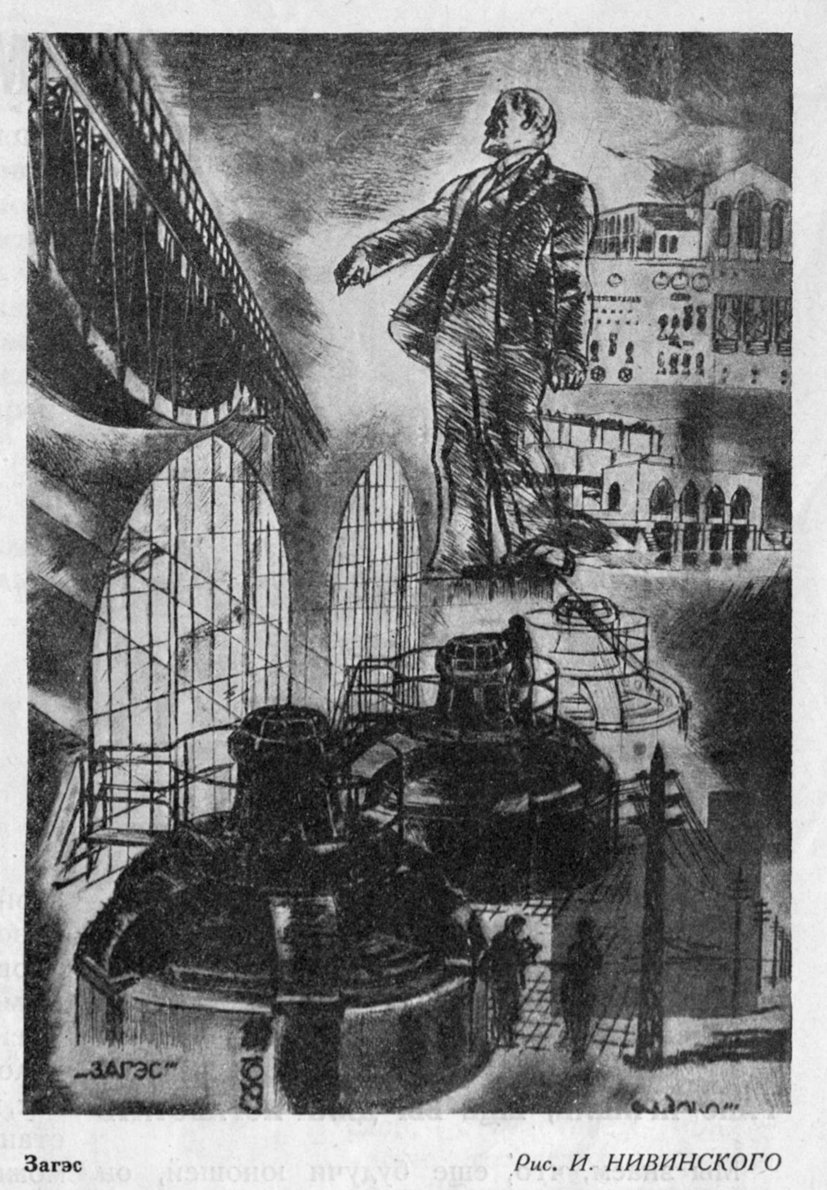
Меня встречают и спрашивают:

— Кто это с вами вчера купался?.. Ну, и пловец!..

— Это моряк балтийского флота, родственник мой,—вру я беззастенчиво, чтобы не выдать полуконспиративное пребывание здесь Владимира Ильича,—приехал отдохнуть, да вот увидел родную стихию и, как утка, сейчас в воду...

— Ну, да, вот и видно, что моряк... Как плавает, как плавает!..

По нашим местам понеслась молва о прекрасном пловце-офицере балтийского флота, и я, к ужасу своему, заметил на другой же день, что в часы купания гуляющих на берегу озера стало больше. Владимиру Ильичу я ничего не сказал, но когда он собрался еще раз купаться, я постарался оттянуть его уход часа на два. Мне было неприятно, что он привлек к себе внимание местных обывателей и дачников.

Загэс

Рис. И. НИВИНСКОГО

Владимир Ильич обратил внимание, что, несмотря на то, что берег очень велик, отлог и удобен для купания, образовав большой песчаный пляж, купающихся все-таки мало, да и те жмутся за кусты и как-то робко чувствуют себя, стесняются.

— Вот за границей,—сказал он,—это уже превзойдено. Там нигде нет такого простора, и, например в Германии, на озерах такая колоссальная потребность в купании у рабочих, у гуляющей по праздникам публики, а в жаркое лето ежедневно, что там все купаются открыто, прямо с берега друг около друга, и мужчины и женщины.

— Разве нельзя раздеться аккуратно и пойти купаться без хулиганства, а уважая друг друга?..—сказал он.

— Конечно, можно,—ответил я ему.—Но, к сожалению, у нас слишком много безобразников, что при общей некультурности нередко приводит не только к неприятностям, но и к скандалам.

— С этим надо бороться, отчаянно бороться... Тут должны быть применены меры строгости: например, удаление с пляжа, недопущение к купанию в общественных местах. Купающиеся должны организоваться, выработать правила, обязательные для всех. Помилуйте, за границей же купаются вместе сотни и тысячи людей, не только в костюмах, но и без костюмов, и, однако, никогда не приходится слышать о каких-либо скандалах на этой почве. С этим надо решительно бороться...

По мере того, как Владимир Ильич отдыхал, к нему все более и более возвращалась охота побеседовать на злободневные вопросы.

Он стал просматривать газеты. Иногда брал к прочтению вновь вышедшие книжки. И вдруг разом все оборвалось. Июльское выступление рабочих потребовало его присутствия в Петрограде.

Потом началась всем известная травля, и он перешел на нелегальное положение, чтобы через несколько месяцев поднять знамя восстания.

КАК РАБОТАЛ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Воспоминания Вл. Дм. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Рисунки худ. Н. АЛЬТМАНА, рисовавшего Ильича за работой

Напряженное достижение цели, достижение во что бы то ни стало во всех областях, с которыми соприкасался Владимир Ильич,— это была одна из отличительных, основных черт его харатера.

РАНО ПРИШЛИ, ЕЩЕ БЫ ДАЛИ ПОРАБОТАТЬ

Мы знаем, что, еще будучи юношей, он самым прилежным и напряженным образом изучал классиков; в совершенстве постигши древние языки, изучая их не только по тем книгам, которые ему давала школа, но и выйдя сейчас же далеко за пределы их, стал он читать в подлинниках лучших писателей древности, более всего интересуясь философией, логикой и общественными науками древних. И эта черта сопровождает его всю жизнь. Он всегда, каждый предмет, за который брался, изучал широко и глубоко, охватывая его так, как почти никто из специалистов той области, за которую он брался. Мы знаем, что когда Владимир Ильич, будучи вполне взрослым, попадает в тюрьму, в одиночное заключение, то он сейчас же намечает себе план большой работы, которую уже вынашивал раньше, и, несмотря на свои тяжелые условия жизни— в тюрьме сидеть, товарищи, далеко не легко!—просит всех присылать ему как можно больше книг, исследований, статистических сборников, садится за них и так увлекается этой работой, из которой вышла его знаменитая книга „Развитие капитализма в России“, что когда его приходят освобождать, то он грустно воскликнул: „Рано пришли, еще бы дали поработать!“

ВО ГЛАВЕ РАБОЧЕГО ГОСУДАРСТВА

Политическая работа, которая выпала ему на долю была чрезвычайно огромна, не только тогда, когда он был в нелегальной партии, но и тогда, когда эта партия стала легальной, и более всего тогда, когда он стал во главе нового правительства, нового рабочего государства, строящего новую жизнь на принципах диктатуры пролетариата. Хаос водворился в нашей стране после империалистической войны, после двух революций. В огне и пламени гражданской войны приходилось выковывать скелет нового общества, облекать его плотью и кровью и давать жизнь не только центральным, но и местным и более мелким учреждениям. В то же время нужно было вести колоссальную войну на четырнадцати фронтах, все время зорко следя за внутренними восстаниями, заговорами, убийствами и всевозможными происками, которые только могли придумать русские белогвардейцы, опирающиеся на иностранных интервентов, буржуазию, кулаков и т. д. И здесь, как и всегда, Владимиру Ильичу помогло его изумительное умение систематизировать работу.

Чем большее этой работы наваливалось на него, тем менее он волновался, тем менее он был внешне нервен, а все вкладывал он в определенный план. Не только дни недели у него были расчленены для тех или других отраслей политической работы, но и в каждом дне он имел свой точный план между отдельными частями работы.

Он очень редко изменял этот план. И надо было появиться какому-нибудь особенному обстоятельству, чтобы заставить его отменить то или другое в ранее предусмотренном расписании дня, изменить установленное им течение жизни с утра до вечера. В разговорах, в докладах, в переговорах по всевозможным городским и междугородним телефонам, по прямому проводу, телеграфу, в кругу громадного количества писем, эстафет, телеграмм, донесений

он всегда был лаконически краток, точен и ясен и требовал того же от своих ближайших сотрудников. Каждый доклад, который приходилось ему делать, необходимо было изложить чрезвычайно просто, ясно и сжато, без всяких предположений, умозаключений, не основывающихся на фактах, указывать только то, что реально, то, что можно быстро доказать, что именно так, а не иначе надо делать, что нужно провести сейчас же в жизнь, что соответствовало общему направлению, ранее данным директивам.

НИКАКИХ УКРАШЕНИЙ

Если ему подавался письменный доклад, то он всегда считал его тогда правильно сделанным, когда он не находил в нем ничего лишнего, никакой расплывчатости, никаких фраз, украшающих изложение, а только одно ясное дело с практическими выводами. Письменный доклад надо было всегда расчленять на несколько частей, подчеркивая главные формулировки синим или красным карандашом, чтобы все это выпукло выходило бы из самого смысла доклада, чтобы во всем можно было быстро ориентироваться, истолковать и дать то или другое практическое решение. Очень мало кто умел это делать так, как хотел бы этого Владимир Ильич. И когда он наталкивался на такого сорта работу, то очень радовался этому, сейчас же поддерживал того или иного товарища и долгое время справлялся об этом товарище, как он работает, где работает и что делает.

Систематизация во всем, лаконичность твердость в проведении решений в жизнь — это одно из самых основных качеств работы Владимира Ильича, которое следовало за полнотой и всесторонностью изучения данного практического или теоретического вопроса.

ПИШИТЕ ПО-РУССКИ

Когда Владимиру Ильичу приходилось работать над какими-нибудь сочинениями, декретами или заявлениями, которые должны были обращаться к широким массам, то он всегда помнил сам и требовал такой же памяти от других, что все это идет именно в массы, а потому должно было быть особенно тщательно просмотрено, особенно просто написано, и если он видел, что изложение страдает большим количеством иностранных слов, отсутствием понятности, то всегда спрашивал: „Неужели по-русски вы не можете изложить свои мысли так, чтобы они были действительно доступны всем? Русский язык очень богатый. Если вы этого не делаете, то виноваты вы сами, а не тот язык, на котором вы пишете“. И он требовал от каждого,—и чем более ответственен был товарищ, тем строже,—чтобы автор тщательно работал над своими трудами, достигая наибольшей ясности.

Он терпеть не мог, замечу я кстати, усвоенный у нас газетный язык, который часто был настолько беден, труден и непонятен, что Владимир Ильич не однажды восклицал: „На каком языке это написано? Тарабарщина какая-то?! Волапюк, а не язык Толстого и Тургенева“.

Особенно он также возмущался произвольными сокращениями всевозможных слов, которые нередко были совершенно непонятны для рабоче-крестьянской массы при чтении газетных статей.

— Вам придется при каждом номере давать словарь,—обращался он к тем или иным редакторам газет.—Газеты читает масса, а не одиночки, которые знают весь тот новый язык, который создала наша бюрократия (чиновники), и нельзя допускать, чтобы масса, читая статью, бросала ее, как совершенно непонятную.

Сам он особенно тщательно работал над своим языком, а когда ему пришлось за границей в Женеве писать известную книжку к „Деревенской Бедноте" по поводу земельного вопроса, для широких масс, то он много раз читал, перечитывал ее, давал на проверку русским эмигрантам-рабочим, которые в то время живали в Женеве, исправлял ее в гранках и не успокоился до тех пор, пока со всех сторон не получил отзыв, что да, она написана действительно весьма популярно.

Ленин *Скульптура*

ОБ ОТДЫХЕ

Владимир Ильич был несравненный весельчак, хороший товарищ и очарователен в своем обращении с людьми. Он, бывало, никогда не отказывался пошутить, поострить, посмеяться, но в то же время действительно знал, что „делу время, а потехе час!" Никто, никогда не видел его в праздности. Если он отдыхал, то отдавался весь отдыху, но отдыхал столько времени, сколько он ранее сам себе наметил, и когда наступал час работы, то никто и ничто не могло его удержать. Он тотчас же делался серьезным, озабоченным, неумолимо прощался со всеми и уходил работать. Несмотря на свою постоянную занятость, он умел всегда совершенно точно распределять день и для своих окружающих, чтобы не мешать им жить так, как они хотели, не стесняя их случайным своим отсутствием.

Приведу маленький пример: он обедал в кругу своей семьи обыкновенно в 4 часа и с совершенно немецкой точностью, как это бывает в Германии в 12 часов, он всегда в 4 часа поднимался и уходил домой на полчаса, которые ему нужно было употребить на обед. Он знал, что его ждут, и никогда не хотел никого обременять лишним ожиданием. Так же точен он был, если назначал кому-либо время свидания для официального приема, заседания и пр., и если кто-нибудь приходил на несколько минут позднее назначенного времени, то он всегда вынимал часы и вопросительно посматривал на входящего и этим своим взглядом ставил в весьма неловкое положение того, кто опоздал! Таким образом он приучил всех приходить к нему на прием минута в минуту.

Будучи так требователен к другим, он сам всегда показывал пример этой безусловной точности. Вряд ли кто может указать хоть один случай, когда Владимир Ильич по своей воле опоздал бы на какое-нибудь заседание, беседу или по какому-нибудь другому, назначенному им делу.

Точно так же минута в минуту он открывал заседания Совнаркома, СТО и других учреждений.

При всей своей перегруженности практической работой, Владимир Ильич невероятно много читал. Правда, он так много знал, что ему читать новые книги было очень легко, ибо из целого сочинения в сотни страниц он нередко отмечал только некоторые страницы или отдельные места их, которые для него были новы.

Если какие-нибудь мысли или факты читаемого автора его заинтересовывали, то он сейчас же выписывал себе их в тетрадки, которые также были систематизированы и лежали у него под руками в письменном столе.

Но несмотря на это, прежде, чем получить эти огромные знания, совершенно ясно, он должен был прочесть колоссальное количество книг, и не только прочесть, но изучить и знать их.

Он всегда следил за литературой и не только за литературой по экономическим и политическим вопросам, но его всегда интересовали также художественные вопросы, вопросы фольклора, исскуства, статистики, философии и пр., и т. п.

НЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВНАРКОМА, А ЧИТАТЕЛЬ РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ

Я помню, как в самый разгар гражданской войны, когда, казалось, газету-то читать было некогда, Владимир Ильич обратился ко мне с просьбой съездить в Румянцевский музей и привезти ему книжки, при чем он весьма осторожно добавил:

— Я думаю, что мне не откажут выдать эти книги на дом, я очень аккуратен с книгами.

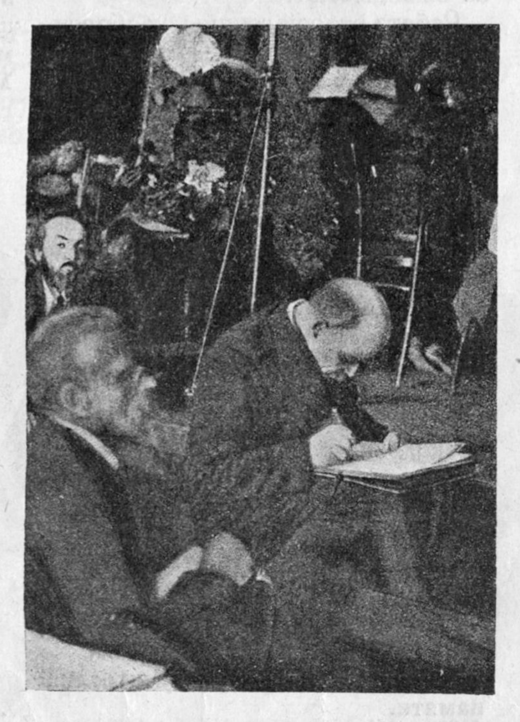
Я улыбнулся и сказал ему, что он может дать предписание, чтобы эти книги ему доставили. Он посмотрел на меня и сказал:

— В данном случае я буду только читателем Румянцевского музея, а не председателем Совнаркома.

Когда я посмотрел этот список, то в нем оказались книги но только 18 и 19 века по философии и общественно-политическим вопросам, но, что более всего меня удивило, в списке стояли словари по латинскому и греческому языку, так как оказалось, что он в это время очень внимательно изучал некоторые философские вопросы, и ему нужно было до тонкости знать некоторые греческие и латинские корни слов, понятий, происхождение их. Тут же он приписал, что он хотел бы иметь словарь русского языка Даля, который, конечно, был ему доставлен, и он часто увлекался им, читал его и высказывал свое восторженное изумление перед разнообразием русского языка.

КАК РАБОТАЛ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Наблюдая работу Владимира Ильича довольно долгое время, я думаю, что не ошибусь, если так, хотя отчасти, определю способы его работы: 1) выработка плана работы, 2) всестороннее ее обдумывание, 3) подготовление себя и обогащение своих знаний по интересующему вопросу глубоким и всесторонним изучением литературы предмета, захватывая не только ту литературу, которая обсуждает вопрос с точки зрения диалектического материализма, но и враждебную, иных мировоззрений, 4) критический разбор этой литературы, нередко с большими выкладками и выписками из прочитанного для себя самого, 5) тщательное распределение дня в работе по плану, с допущением редчайших отступлений от него, 6) краткость и лаконичность бесед, с точной формулировкой вопроса или содержания беседы, 7) энергичное, настойчивое, неуклонное проведение в жизнь раз принятых решений, 8) экономия своего и чужого времени (отсутствие опаздываний, болтливости, ничего неделания, пустого время провождения), 9) выделение небольшого количества времени на прогулки, отдых, обед и пр., выполняемых точно и аккуратно, 10) быстрота в работе и крайняя целесообразность в затрачивании времени на всевозможные мелкие, побочные работы, 11) уменьшение до пределов возможного траты времени на пустяки, 12) суровая, непреклонная требовательность в четкости, ясности и ответственности в работе, 13) отсутствие внесения личного в общественные и политические дела. Полное пренебрежение к склокам, к сплетням, к сутяжничеству, к комчванству, к бюрократизму и пр., и т. п. проявлениям нашей жизни. Беспощадная борьба с этими отрицательными сторонами нашего быта, 14) требование от всех работы и дела ради пролетарской революции, перед чем должно умолкнуть все, что только может помешать этому единственно важному делу для члена партии, советского работника и гражданина СССР.

Вл. Ильич на Конгрессе Коминтерна

ВСЕ ДЛЯ ПАРТИИ

Таковы главнейшие основания в научной и общественной работе, которые можно было подметить за Владимиром Ильичем. Конечно, к членам партии все это он применял еще более строго и требовал от них, помимо всего прочего, точного и безусловного выполнения всех требований нашей программы, устава, решений съездов, центральных органов и вообще самой серьезной дисциплины всегда, везде и во всем.

Он совершенно не мыслил для партийца нарушения всех требований и заветов партии и здесь действительно был неумолим. Все для одной заветной цели, все для партии, во имя партии, на одно дело, дело строительства социализма, дело пролетарской революции.

МОЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

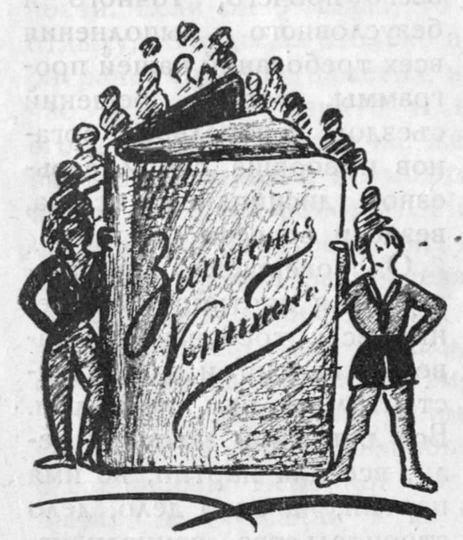
Очерк Ник. СОЛНЦЕВА
Рисунки худ. М. АСКИНАЗИ

МЕРКА КУЛЬТУРНОСТИ

Записная книжка—лучший друг пионера и помощник в работе. Она принадлежит к числу тех друзей, с которыми никогда не следует расставаться. Едешь ли в экскурсию или отправляешься в поход, идешь ли в школу или на сбор, сидишь ли дома или осматриваешь музей,—этот маленький друг должен быть всегда при тебе.

В самом деле, как бы хороша у нас ни была память, но запомнить всего мы никогда не можем. Целый ряд мелочей рано или поздно должны изгладиться из памяти. Вспомните, сколько у каждого из нас было досадных случаев, когда позабывался нужный адрес, название книги, справка и т. д. Как трудно и мучительно тогда вспомнить.

Между тем есть простое средство искусственно увеличить объем нашей „памяти"—завести себе записную книжку. Говорят, что культурность народа можно измерить количеством зубных щеток, приходящихся на одного человека. Это, пожалуй, верно, но если мы вместе с зубными щетками примем во внимание и количество записных книжек, то результат будет еще точнее. Я не ошибусь, если скажу, что у нас в Союзе приходится не менее 50 человек на одну записную книжку, между тем как в Германии приходится лишь $1^1/_2$ чел.

В СССР одна записная книжка приходится на 50 человек...

Чтобы убедиться в справедливости предлагаемой мерки культурности, попробуйте как-нибудь на досуге произвести следующее „обследование": опросите 5 инженеров, 5 рабочих и 5 крестьян относительно имеющихся у них записных книжек. Вы увидите, что записные книжки найдутся у каждого инженера, у рабочих только у тех, которые наиболее развиты, и, вероятно, ни одной книжки не найдете у крестьян. Как же в этом отношении обстоит дело с ребятами? Оказывается, совсем не так благополучно, как должно быть. Далеко не все ребята имеют записные книжки и очень немногие умеют ими пользоваться.

Пользование записной книжкой—привычка. Постарайтесь поскорее приобрести ее, а здесь мы расскажем о том, как лучше организовать ее и вести.

ТРИ РОДА РЕБЯТ

Есть три рода ребят. Одни заводят книжку и, пока она новая, делают в ней несколько записей, а затем кладут ее в карман, где она остается до тех пор, пока не превратится в совершенно негодный для употребления вид. Тогда ее выкидывают.

Ребята второй группы, наоборот, слишком бережливы. Им все кажется, что в записную книжку надо записывать что-то важное, а не повседневные мелочи. К этой группе принадлежал я. Помню, как у меня появлялась новая кни ка и я тщательно записывал в нее две-три „важных" заметки, и после этого не знал, что бы мне записать сюда еще. Когда приходилось потратить для дела (как я теперь понимаю) страничку-другую, то я потом их вырывал из книжки, чтобы они „не портили ее". После нескольких таких операций книжка разваливалась, и приходилось ее выкидывать.

Наконец, третья группа—это те, которые действительно умеют использовать книжку как следует. Они знают, что она предназначена для дела, и заносят сюда все то нужное, что может улетучиться из памяти.

ЧТО ЗАПИСЫВАТЬ В КНИЖКУ

Важное место в каждой записной книжке должны занимать адреса. Начните с того, что запишите адрес вожатого, всех ребят по звену, всех своих близких друзей и товарищей. Мало знать квартиру, где они живут,—на всякий случай надо иметь их почтовый адрес.

Я хорошо помню, как однажды благодаря тому, что я не знал почтового адреса ребят, я провалил целое собрание. Дело было летом перед лагерной кампанией. Мне поручили срочно собрать звено, и я решил этим заняться вечером. К несчастью, днем я налетел на большой гвоздь и так ранил себе ногу, что не мог двигаться. Таким образом, обойти квартиры ребят я не мог, послать вместо себя мне было некого, а разослать по почте повестки я не мог, потому что, кроме названия улиц, не помнил ни номеров дома, ни квартир своих ребят.

Очень также важно иметь в записной книжке номера телефонов и адреса ближайших пожарных команд, аптеки, амбулатории, врача, милиции и т. п. В минуту несчастья, когда все теряются и впадают в панику, вы, благодаря имеющимся в книжке этим адресам, можете, не теряя ни секунды, сделать то, что требует от вас пионерский долг.

... а в Германии—на полтора человека

В книжке нужно также иметь расписание уроков, работ кружков, различных собраний (форпоста, совета отряда) и т. п.

Заведите новый отдел, где вы будете отмечать книги, которые следует прочесть. Чтение по определенному плану—очень полезная вещь. В этом отношении список окажется чрезвычайно полезным. Хорошо также завести список прочитанных книг. Проглядывая его время от времени, вы будете видеть, в какой области у вас есть пробелы, о чем вы прочли много книг и о каких вопросах еще следует прочесть.

Заведите также очень важный отдел *„МОИ МЫСЛИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ“.* Иногда бывают такие моменты, когда в голову приходит целая вереница важных мыслей. Если своевременно их не записать, то они постепенно забудутся, между тем как очень важно постараться их осуществить. Записывайте коротко, примерно, так:

„Нужно сделать для звеньевой библиотечки шкафчик—такой, как я видел в 55 отряде“.

„Хорошо бы весной организовать звеньевой поход на Черное озеро. Из города идти пешком, жить в палатке, захватить фотоаппарат. Обязательно предложить ребятам—не позднее марта, начать своевременно готовиться“.

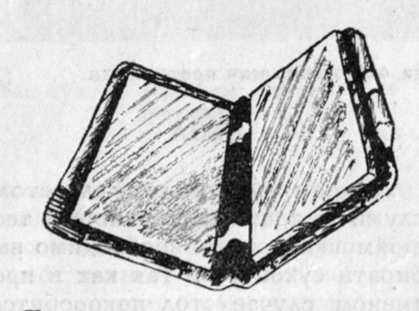
„На совете отряда предложить устроить вечер с лотереей в пользу детей, пострадавших от крымского землетрясения“.

„Я замечаю у себя и у всех остальных ребят нашего звена нехорошую привычку: браться за какое-нибудь дело и бросать его, не доведя до конца. Какие же мы будем строители, если не воспитаем в себе настойчивости?“

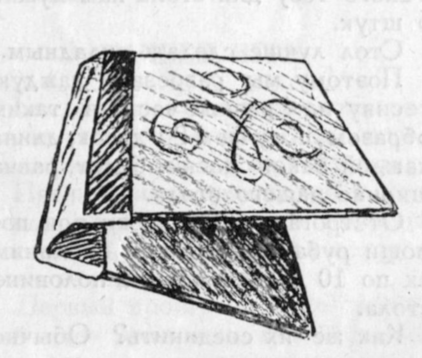
Этот отдел очень важен тем, что, привыкши заглядывать в него время от времени, вы, как из копилки, будете брать все ценное, что пришло когда-то вам в голову, и осуществлять это на деле.

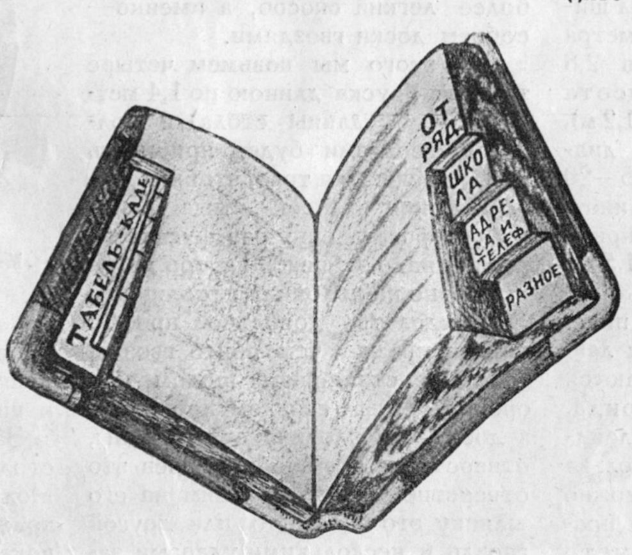
Когда книжка становится такой как на этом рисунке, ее выбрасывают

Посредине место для карандаша

Крышка записной книжки

В книжке установите твердые отделы

Наконец, очень большой и важный отдел *„СЕГОДНЯ“*. Сюда записывается все то, что нужно сделать за день. Выполненное вычеркивается и рядом ставится „птичка“.

Если не выполнено и более не нужно для выполнения, то птичка не ставится. Все остальное переносится на те дни, в которые вы рассчитываете выполнить намеченные дела. Такой способ приучит вас контролировать самого себя в своих делах.

Я вам дал несколько примеров того, что нужно заносить в записную книжку. Теперь нужно сказать несколько слов о том, как организовать ее, чтобы легко было находить каждую запись.

ОРГАНИЗАЦИЯ КНИЖКИ

Для этого установите твердые отделы: „Сегодня“, „Отряд“, „Школа“, „Мысли и предложения“, „Разное“, „Адреса“ и другие. Только не слишком мельчите вопросы и не заводите очень много отделов. Впереди книжки напишите, кому она принадлежит и свой адрес на случай утери. Тут же можно расчертить табель-календарь, который часто бывает нужен.

Чтобы легко можно было найти нужный отдел, примените такой способ, который употребляется в алфавитных книгах. У вас, примерно, выйдет то, что показано на рисунке.

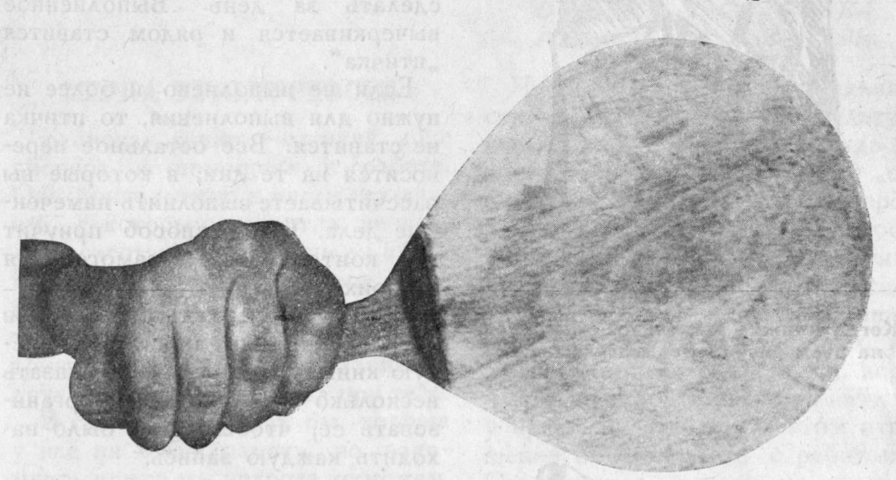
Обычно книжки очень мнутся в кармане, особенно летом в лагере. Чтобы избежать этого, заведите себе постоянную фанерную крышечку; сделать ее очень не трудно.

Для этого выпилите по формату книжки две дощечки из тонкой фанеры и соедините их между собой кожаным или матерчатым корешком. Фанерку можно вычистить шкуркой и проолифить. Тонким и острым ножичком на верхней крышке можно вырезать пионерский значок или какие-нибудь узоры.

Такая крышка хорошо предохраняет книжку, и она до конца останется такой же аккуратной, как новая.

ЧТО ТАКОЕ ПИНГ-ПОНГ, КАК ЕГО САМОМУ СДЕЛАТЬ И КАК ИГРАТЬ

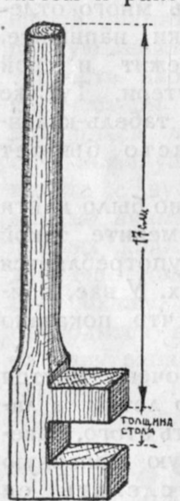
О. ШВАРЦ

Так нужно держать ракету, когда отбиваешь мяч противника

Не все ребята знают, что такое пинг-понг. Поэтому прежде, чем писать о том, как его сделать, мы расскажем, что это такое.

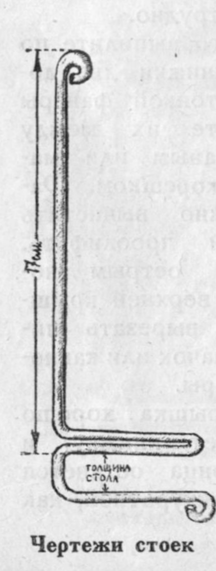
Пинг-понг это—комнатный теннис; как и в теннисе, играют мячом и ракетками.

Разница тут только та, что для тенниса... нужна большая площадка на открытом воздухе, а для пинг-понга нужен большой стол, посреди которого натянута (как и в теннисе, посреди площадки) сетка.

Что же нужно для того, чтобы играть в пинг-понг?

Нужен стол шириною в 1,5 метра и длиною в 2,8 метра (высота стола—1 — 1,2 м), две ракетки диаметром в 15—20 см, сетка, длиною равная ширине стола (т.-е. 1,5 м) и мяч.

Мячи для пинг-понга нужны легкие, они делаются из целлулоида. Если целлулоидного мяча нельзя достать, то можно заменить его простым. Диаметр мяча—5 см.

Чертежи стоек

СТОЛ

Лучшим материалом для стола служит 8-аршинный сосновый тес-дюймовка (при чем необходимо выбирать сухой тес, так как в противном случае стол покоробится, станет неровным, со щелями). Такого тесу для стола нам нужно 5 штук.

Стол лучше сделать складным.

Поэтому мы разрезаем каждую тесину на 4 равные части и таким образом получаем 20 досок; длина каждой такой доски будет равна ширине нашего стола.

Отстрогаем наши доски при помощи рубанков и затем соединим их по 10 досок в каждой половине стола.

Как же их соединить? Обычно столяры склеивают доски, но это очень трудно, поэтому изберем более легкий способ, а именно—собьем доски гвоздями.

Для этого мы возьмем четыре толстых бруска длиною по 1,4 метра (т.-е. $^1/_2$ длины стола) и толстыми гвоздями будем прибивать к ним доски. Для того, чтобы после соединения досок мы могли их отстрогать еще раз фуганком, гвозди надо забивать внутрь доски примерно на-половину ее толщины. Это сделать довольно просто: нужно, прежде чем вбить гвоздь, толстым столярным шилом или очень толстым гвоздем проколоть в доске, на-половину ее толщины, отверстие. Затем, вбив через это отверстие гвоздь, ставим на его шляпку это же шило или другой гвоздь и несколькими ударами загоняем гвоздь в глубь доски.

Сколотив таким образом стол, мы приступаем к дальнейшей его обработке. Во-первых, надо сделать его ровным и гладким. Для этого мы строгаем его фуганком. Затем замажем все щелки и дырки от гвоздей простой замазкой. И наконец хорошо проморить стол или покрасить. Сверх этого, можно покрыть его лаком.

Итак, крышка стола у нас готова.

СТОЙКА

Теперь надо сделать ножки, или стойку. Проще всего, конечно, положить наши доски на обыкновенный большой стол.

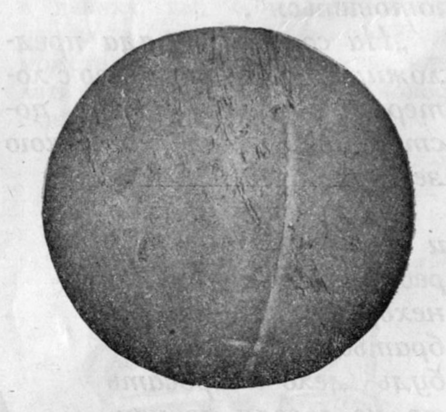
Но можно сделать и специальную стойку.

Для этого из толстых брусков мы делаем двое обыкновенных козел и скрепляем их поперечными планками.

На эти козлы мы и кладем стол.

СЕТКА

Возьмем кусок марли длиною в 1 метр 52 см и шириною в 17 см, загнем по краям по 1 см, зашьем загиб и продернем в него бечевку. Сверху сетки нужно пришить какую-нибудь яркую полоску материи.

Мяч для пинг-понга в натуральн. величину

Таким образом, мы получим хорошую сетку длиною в 1,5 метра и шириною в 15 см.

Займемся укреплением сетки на столе. Изготовим сеточные стойки. Можно сделать их из толстой проволоки, можно из дерева так, как показано на чертеже. К стойкам привяжем сетку.

Для того, чтобы закончить пинг-понг, остается сделать только ракетки.

Для этого берем кусок фанеры и циркулем чертим круг диаметром в 15—20 см (для этого расставляем ножки циркуля на 7,5—10 см). Затем от руки рисуем шейку и ручку и выпиливаем или вырезаем ракетку. К ручке хорошо прибить к обеим сторонам по полукруглой палочке, обрезаем эти палочки ножом, и ракетка готова.

Таким же образом делаем вторую ракетку.

МЯЧ

Мяч самому сделать нельзя. Мяч нужно купить в спортивном магазине. Хороший целлулоидный мяч стоит 30—40 коп.

Пинг-понг готов. Можно начать игру. Разыграем подачу. Играют двое. Начало игры обыкновенно разыгрывается.

Для этого один из игроков подает мяч.

Делается это так: ракетка берется в правую руку, мяч—в левую, затем ударяют ракеткой по мячу с таким расчетом, чтобы мяч ударился сперва по своему полю, проскочил над сеткой, не задев ее, и упал бы на поле противника.

Если мяч заденет за сетку и все-таки упадет на поле противника, то подается второй мяч. Если заденет за сетку и упадет на свое поле, то начинающий проиграл подачу, и начинает его противник.

В случае, если мяч не задел за сетку, а стукнулся на своем поле и, не задев поля противника, перелетев его, упал со стола, то и в этом случае начинающий проиграл подачу.

Если же мяч правильно подан и упал на поле противника, то противник должен правильно отбить мяч.

Делается это так: как только мяч упал на поле и подпрыгнул—надо, не давая ему упасть на поле второй раз, отбить так, чтобы он упал на поле противника, при чем теперь уже не важно, если мяч заденет за сетку и проскочит на поле противника; важно только, чтобы он не упал на свое поле или совсем со стола, не коснувшись поля противника.

Так нужно подавать мяч на поле противника

НАЧНЕМ ИГРУ

Когда кто-либо из игроков проиграл подачу—начинается игра. Начинает игру выигравший подачу.

Правила игры те же, что и при разыгрывании подачи. Разница только та, что при игре ведется счет очков.

Первый проигрыш (мяч) засчитывается выигравшему в 15 очков, второй—30, третий—40, и четвертый и последний означает конец гейма (гейм—игра). В случае, если у обоих игроков по 30, то говорят „ровно"; после этого надо, чтобы один из них выиграл под ряд два мяча. Если же один из игроков выиграл мяч после того, как было „ровно", то у этого игрока „больше". Если он возьмет еще мяч, то игра (гейм) будет кончена. Если же после „больше" возьмет мяч противник, то опять будет „ровно", и так до тех пор, пока кто-нибудь не выиграет два мяча под ряд.

Но проигранный гейм (игра), в обыкновенной игре, еще не означает окончательного проигрыша, так как выигравшим считается тот, кто скорей выиграл 6 геймов, при чем если у обоих противников будет по 5 выигранных геймов, то играют до тех пор, пока у одного из них не будет на два гейма больше, чем у другого.

Это—обыкновенная игра, когда игроков всего двое.

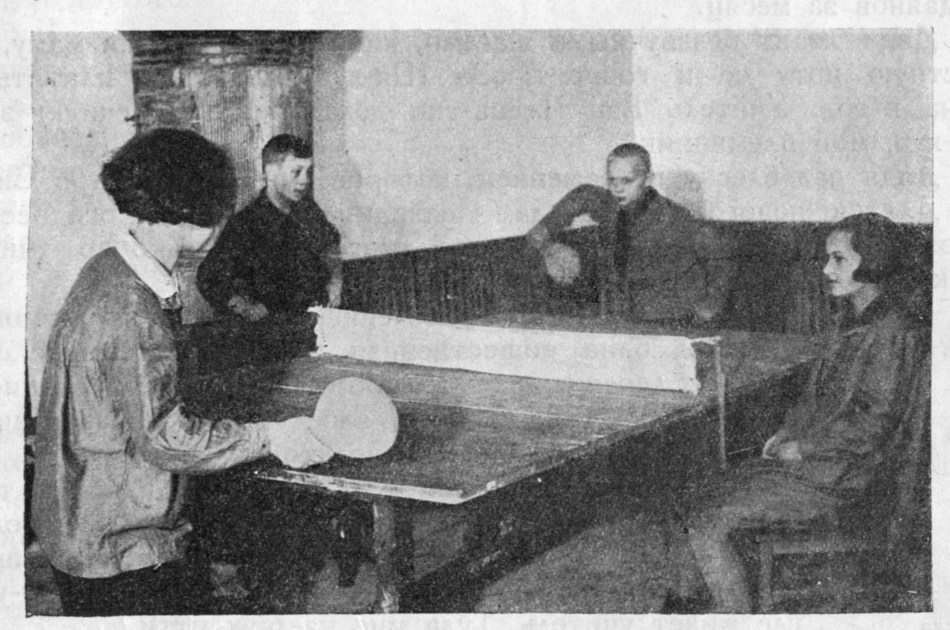
СЫГРАЕМ „АМЕРИКАНКУ"

Когда желающих играть не двое, а больше, то играют в так наз. „американку".

Правила игры в „американку" те же, что и при обыкновенной игре, но тут играющие играют не 6 геймов, а всего 2—выигравший оба гейма остается за столом, а проигравший отходит, и на его место становится следующий игрок, и так до тех пор, пока всем не надоест играть.

В случае же, если в „американке" оба противника выиграли из 2 по 1 гейму, то они играют еще один, 3-й, решительный гейм, и выигравший его считается победителем.

Пинг-понг развивает зоркость, меткость, ловкость и много других полезных качеств человека.

Игра идет во-всю

ДЕТСТВО ДЕН ШИ-ХУА

Главы из книги С. ТРЕТЬЯКОВА
Биография китайского студента
Рисунки художника ЛИУ-ЛИН

Так в Китае причесывают ребят

Детство Ден Ши-хуа не выдумка, это биография, которая рассказывает нам, как жил и учился маленький китайченок двадцать лет назад. Буржуазные писатели, которые мимоходом, поверхностно осматривали и ничего не увидели в нем, кроме таинственности, загадочности и опиума. Детство Ден Ши-хуа показывает нам Китай таким, как он есть. Это первая достоверная повесть о Китае. Рисунки к детству Ден Ши-хуа рисовал художник—китаец тов. Луи-Лин. Эти рисунки нарисованы не так, как обычно рисуют у нас. Так рисуют в Китае.

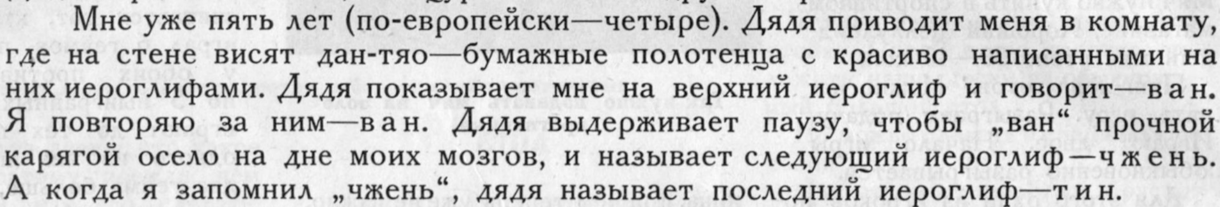
Читатели! Отзывы на повесть и рисунки шлите в редакцию. Пишите понятно ли, интересно ли, хотите-ли вы продолжения.

ШКОЛА

Старший дядя ходит особенно веселый. От лица его сияние, и глаза щурятся, словно он вот-вот расскажет смешное. Его сын недавно назначен директором школы в Фу-чжоу. Это—школа для сирот и незаконнорожденных. Дядя гордится сыном, но щурится он по другой причине.

Мне уже пять лет (по-европейски—четыре). Дядя приводит меня в комнату, где на стене висят дан-тяо—бумажные полотенца с красиво написанными на них иероглифами. Дядя показывает мне на верхний иероглиф и говорит—в а н. Я повторяю за ним—в а н. Дядя выдерживает паузу, чтобы „ван" прочной карягой осело на дне моих мозгов, и называет следующий иероглиф—ч ж е н ь. А когда я запомнил „чжень", дядя называет последний иероглиф—т и н.

Туфли с головой тигра

Ван Чжень-тин. Я затверживаю это имя, концом пальца повторяя в воздухе очертание его иероглифов. Ван Чжень-тин, так зовут моего первого учителя, которого я еще не видал в лицо, но к которому скоро меня поведут.

„Ван Чжень-тин, Ван Чжень-тин",—настойчиво и с смутным уважением повторяю я это имя.

Через два десятка лет я буду в компании сверстников выкрикивать имя Ван Чжень-тин с радостным политическим азартом. Это имя тезки моего учителя из Лин-Сы. Ван Чжень-тин—пекинский сановник, подписавший договор—первый между Китаем и Советским Союзом.

Дома краем уха ловлю разговоры дядей и мамы о том, куда меня отдавать, в общественную ли школу, где обучают бесплатно, или в частную, где учат лучше, но зато надо платить и платить немало.

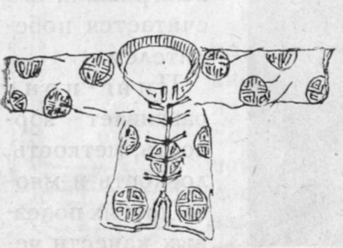
— Вон сыновья наших соседей платят в год шесть даянов, а племянник толстого мануфактурщика Тунг обходится целых 20 даянов в год. 20 даянов! Но, ведь, мы вчетвером не проедим, не простираем, не спалим и не проживем 20 даянов за месяц.

Дядя ходит беззвучными шагами, хитро жмурится на маму, ловит самую грустную ноту ее и говорит: „За Ши-хуа мы будем платить только два даяна в год. Учитель Ван Чжень-тин делает ему эту скидку за то, что он, Ши-хуа, мой племянник".

Дядя рад блеснуть уважением, которое ему оказывают в Сиань-Ши.

Длятся новогодние холода. Подходит к концу новогоднее праздничное, напряженное безделье. У нас дома разговоры только об учителях, только о школах. Дядя негодует:

— Сиань-Ши такое большое селение,—пять тысяч домов и 25 тысяч душ,—а всего в нем одна общественная школа. Безобразие! Вот в других больших деревнях есть же кроме начальных и средние школы. Чего дремлет сю-тунг, человек, заведующий образованием на селе и утверждающий школьных директоров?

Верхняя одежда

Дядя подводит меня к листу бумаги. На нем три иероглифа. Знаком из них это иероглиф Ван—фамилия учителя, но два других незнакомы. Дядя читает их—Цзя-уань. Уань—это полукруглая долина, обведенная амфитеатром гор. Цзя-уань—квартал, где живет учитель. Туда мне на-днях итти.

Рубашка

Хожу вдоль синевитых кирпичей нашей домовой стены. Тростинкой черчу на них какие-то небывалые знаки и воображаю: вот я уже учусь, вот я уже пишу. Вот я уже знаменитый каллиграф, рисовальщик иероглифов, и за каждую букву мне платят даян.

Окно глядит на меня теменью комнаты. Окно поделено по вертикали, половина его застеклена, а половина оклеена зеленой полупрозрачной бумагой по ребрам прямоугольной решетки. Бумага изношена, продралась. Ветер шевелит ушками дыры, и в отверстие слышу я бубнящие звуки разговора. Погромче и погрубее—это дядя, тише и мягче—мама.

— Два даяна из уважения ко мне. Два даяна.

Прошел новый год, настал особенный день.

Мама одевает меня сверх нового халатика в блестящую чорную атласную жилетку с длинными рукавами, закрывающими кисть руки. Я понимаю, в чем дело. Только в очень торжественные дни праздников и визитов дяди мои—я видел—одевали такие лоснящиеся парадные жилетки.

Оба дяди, мама и бабушка, как внимательная свита, провожают меня до ворот, прорубленных в толще глино-соломенной стены, перекрытой по ребру темными черепицами.

— Теперь ты ученик.

— Баловству и безделью конец.

— Надо учиться,—напутствуют меня вперебой их внутренне взволнованные голоса.

В школу ведет меня младший дядя. Я иду рядом с ним, не отставая и не оглядываясь туда, где в спину мне смотрят из наших ворот три пары глаз,— одна хитренькая, одна старенькая и одна самая любимая.

Иду взволнованный и радостный. Дома я одинок и пристегнут к старшим подолам, а впереди меня ждет веселое, интересное, буйное товарищество. Через локоть у меня корзина, в ней первая книга для чтения, курительные палочки, пара красных свечей и пока молчащая в тугом красном картоне ракета. У самой школы два пса обругали меня лаем клыкастых пастей. Я испугался и лезу на дядин халат. Дядя поднимает меня на руки.

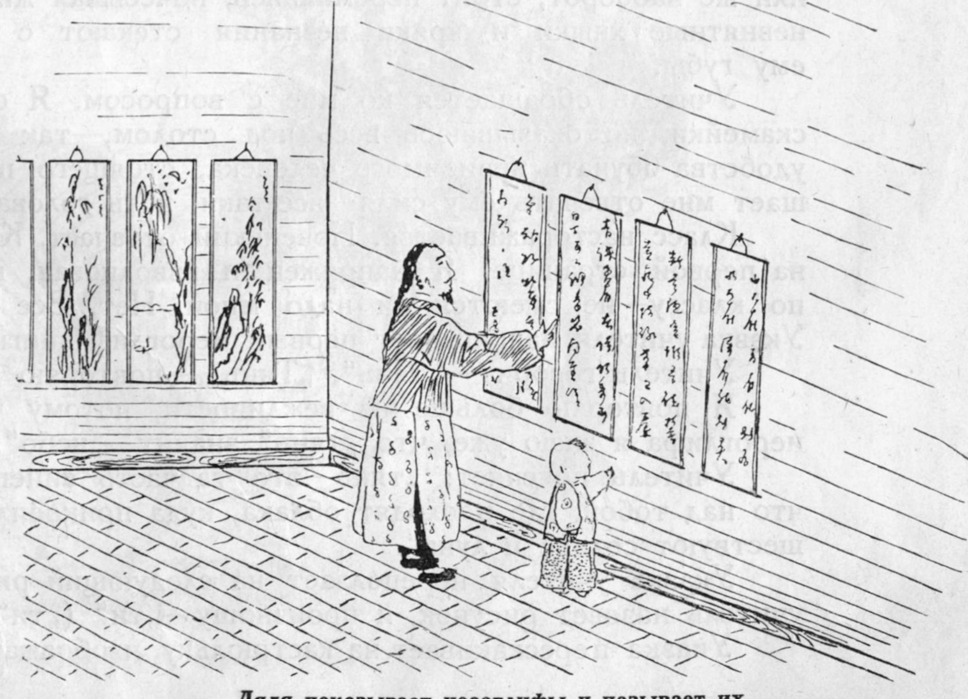
Учитель увидел нас из окна, оборвал урок и вышел навстречу.

Лицо учителя в морщинах. Макушка, брови и подбородок отмечены молоком седины. На лице помещаются только седина морщин да серьезные глаза; улыбке места не осталось.

На пороге дома учитель и дядя задерживаются, каждый из них долго кланяется другому, указывая правой рукою путь в дом, а левой пытается нежно протолкнуть другого раньше себя.

Проходя двором, чую за стеклами сдавленный шорох и исподлобья вижу—лепятся за стеклом пирамидой, как сливы на лотке, любопытные головы многолюдного класса.

Дядя, учитель и я в Ли-тане школы. Перед нами алтарик с курильницей и цветами в вазах, а за алтарем—по стене—длинная надпись сверху вниз. Иероглифы говорят: „Здесь престол самого совершенного мудреца и учителя древности — Конфуция“.

Дядя показывает иероглифы и называет их

В Ли-тане вдруг чуть темнеет,—это в дверях заслонила свет женская фигура. Жена учителя входит и становится рядом с нами.

Долго кланяются друг другу дядя и учитель, помахивая перед грудью сложенными пригоршнями рук. Потом дядя говорит, указывая на меня.

— Вот мой маленький тупой племянник. Передаю его вам, как лучшему из учителей. Может быть... под вашим влиянием ему удастся стать хорошим мальчиком.

Учитель отвечает.

— Ваш племянник, я вижу, очень интеллигентный мальчик и много умнее других в его возрасте. Я уверен, что он вырастет таким же достойным человеком, как вы и ваш высокоученый старший брат. (Это он говорит про старшего дядю, его знают в уезде все, как стихотворца и знатока литературы).

После этих речей я падаю на колени перед иероглифами Конфуция, а затем поочередно склоняю колени перед учителем и его женой: ведь жена учителя для ученика все равно, что вторая мать.

Пока я кланяюсь, дядя дымит в алтарной курильнице палочками и зажигает обе красные свечи. Я встаю с колен, одну руку подношу к потекшему носу, а другою общелкиваю приставшую к халату пыль.

Трра... Пах! Это с пугающим грохотом взорвалась во дворе ракета, отрывисто сообщив всему миру новость: Ден Ши-хуа—ученик.

Учитель с дядей ведет меня в класс. 20 голов, которые я видел в окне, уже распределены над столами. Благоухание, послушание и скромность исходит из-под опущенных ресниц. Учитель знакомит меня с классом:

— Вот мой новый ученик. Видите, какой он маленький. Он должен быть вам младшим братом. Учитесь дружно.

Я сажусь на скамейку за один из разбросанных по классу столиков, норовя поближе к учителю.

На учительском столе целая коллекция интереснейших вещей. Камень для растирания туши лежит рядом с фарфоровой чашечкой для воды. Тушевые кисти или стоят вертикально, воткнутые в медные чехлы кистедержалки, или косо лежат на подставочке, подняв свои глянцевитые щетинистые рыльца над столом. Еще лежит на столе деревянная доска, толщиною с хорошую книгу. Этой доской учитель с выразительностью ружейного выстрела бьет по столу, если класс расшумится. В руках у него палочка-указка, концом которой он в букварях нащупывает нужные иероглифы. А на стене за спиной учителя висит лощеная чуть горбатая бамбуковая линейка,—эта линейка не для черчения.

Когда он спрашивает ученика, тот быстро вскакивает со скамейки и, стоя, усердно жует глазами и губами, торопясь произнести хорошо заученный урок; или же наоборот, стоит переминаясь, почесывая живот и вылупив глаза, пока невнятные хныки и кряки незнания стекают с оттопыренной по-бараньему губы.

Учитель обращается ко мне с вопросом. Я стремительно свергаюсь со скамейки, но оказываюсь весь под столом,—так я мал ростом. В виду неудобства обучать невидимого человека, стоящего под столом, учитель разрешает мне отвечать ему сидя—все-таки, хоть голова да видна.

Класс настораживается. Новенький отвечает. Книга передо мной раскрыта на первой странице. Я напряжен и взволнован, веду глазом из-под брови по классу—не смеются ли надо мной. Нет. Все серьезны не менее меня. Указка учителя нащупывает первый иероглиф книги.

Учитель говорит—„тянь". „Тянь",—повторяю я.

Я повторяю больше из вежливости, потому что по рисунку справа от иероглифа я знаю уже, что „тянь" значит—„небо".

Учитель поясняет: „тянь —это та часть синего видимого пространства, что над тобой, где проходят облака, куда прикреплены звезды и по чему путешествуют солнце и луна".

Указка учителя переползает на следующий рисунок. Не дожидаясь, пока учитель назовет рисунок, я произношу—„ти" („ти" значит—земля).

Указка перескакивает на кастрюльку, изображающую Большую Медведицу.

— „Тоу“—говорю я.

— Правильно,—одобряет учитель. Палочка его дергается к низу и останавливается на рисунке звезды.

— „Син“—заявляю я, довольный собою.

Морщин на лице учителя становится меньше, он оживляется. Палочка прыгает вниз, на нарисованное курчавое облако.

— „Юин“,—провозглашаю я.

Указка двигается. Косые линии нарисованного дождя только на один миг обгоняют летящее из моего горла слово „Ю“.

— „Ен“—говорю я в тот момент, как палочка дрожит в клубах черного дыма над нарисованным костром, и слово „Пин“ я успеваю произнести раньше, чем палочка тянется в восьмой рисунок, где изображен „лед“.

Так в первый урок я прочел восемь иероглифов.

На первый раз это хорошая порция из книги, заключающей в себе тысячу иероглифов.

— На сегодня довольно.—Учитель явно ублаготворен моей сметкой.

— Можешь итти домой с дядей. Завтра мой сын зайдет за тобой. Ты будешь в классе сидеть вместе с ним.

Он подзывает тонкого, гибкого мальчика лет 13, ростом раза в два с половиной больше меня.

В классе сидят ребята разных возрастов и разных групп.

— Если чего не поймешь в учении, спроси его.

Молча я переглядываюсь с сыном учителя, сую книгу в корзинку, скольжу со скамейки под стол, выхожу из-под стола и чинно-спокойно, ни разу не обернувшись на молча разглядывающий меня класс, шагаю во двор к дяде.

Дома старший дядя, бабушка и мама набрасываются на меня. Отбирая корзинку, снимая парадный жилет, они залепляют мне уши вопросами.

— Спрашивали?

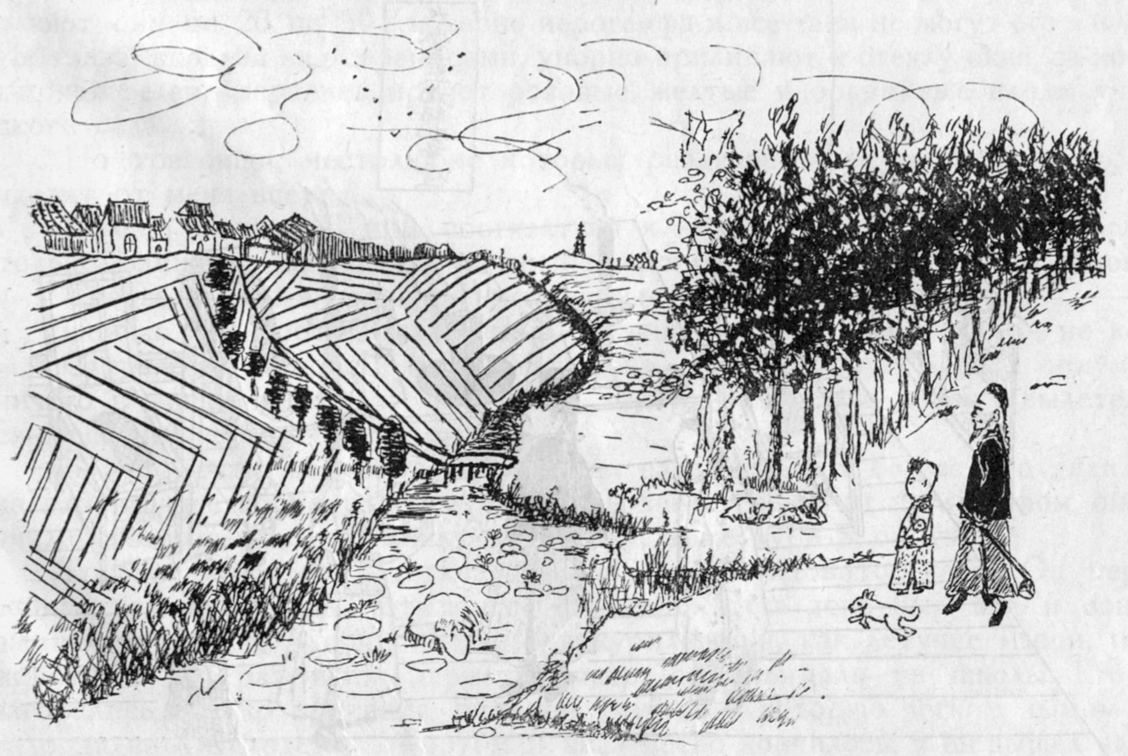
— Отвечал?

— Не плакал?

— Плакал? Зачем мне плакать? Меня же никто не бил и не ругал?

Я отвечаю приставучим старшим на их вопросы вежливо, но без энтузиазма. Я не понимаю, чего они волнуются.

На другой день после завтрака учителев сын заходит за мной, и мы с ним без парада и провожаний идем в школу по каменным, еще прохладным

Ден Ши-хуа по дороге в школу

в утре улицам Сиань-Ши, разговаривая о школе, о том, сколько надо дней, чтобы выучить всю книжку иероглифов, и о том, что тупой Тун заучивает названия иероглифов, а не знает, к каким иероглифам они относятся, и о том, как шустрый Лиу запоминает иероглифы, взглянув на них только один раз.

Учителев сын мне нравится сразу. Он говорит со мной как с равным, не кичится, не цедит слов, одним словом, не заносится.

Он уважает меня за то, что я в день могу запомнить столько иероглифов, сколько он облазать деревьев. Он гениальный лазун. За всю свою жизнь я больше не встречал таких. Его ловкость граничит с обезьяной. Он карабкается по стволу, перекидывается на боковые ветви, раскачивает их, как трамплин, и, нацелившись глазом в зеленую гущину соседнего дерева, перелетает ночною летучею собакою с одного дерева на другое. Больше того, он иногда показывает высший класс своего мастерства: он завязывает себе глаза и лазит по дереву вслепую.

Через год после нашего знакомства он залез на дерево, добрался до верхушки, раскачался... Прыгнул перелететь на соседнее... Промахнулся. Мелькнул по вертикали, обрывая с шелестом листья. Ударился об землю и умер...

Второй день в школе.

Я пишу первые иероглифы.

Учитель на листе бумаги, легкими танцующими движениями пальцев обмакнув кисточку в красную тушь, рисует красный иероглиф.

Я должен красное обвести черным. Учитель стоит надо мною и следит, как я держу кисть:

— Кисть держи тремя пальцами совершено отвесно над бумагой и так, чтобы верхний конец ее приходился против переносицы.

Я еще слаб в писании. Рука дрожит от натуги. Я держу кисть близко к волоскам и локтем опираюсь о стол. Неподалеку от меня ученики, сидящие в классе третий и четвертый год, ловко пляшут кистью по бумаге, держа ее за середину. А учитель иногда, показывая нам высший класс писания иероглифов, берет кисть за верхний кончик и, не касаясь локтем стола, вырисовывает мельчайшие точные, быстрые завитки иероглифов.

Я способней. Искоса гляжу я на кисточку учителя и верю, что моим пальцам будет достаточно года, чтобы пройти путь от щетинок до верхнего конца камышинки.

Долго кланяются друг другу дядя и учитель

Пальцы дрожат. Вместо того, чтоб идти самым кончиком своим по бумаге, кисть промазывает прерывистую черную черту.

Сопят носы над писанием.

Обведя все красные учительские иероглифы, кладу свою стряпню на учительский стол.

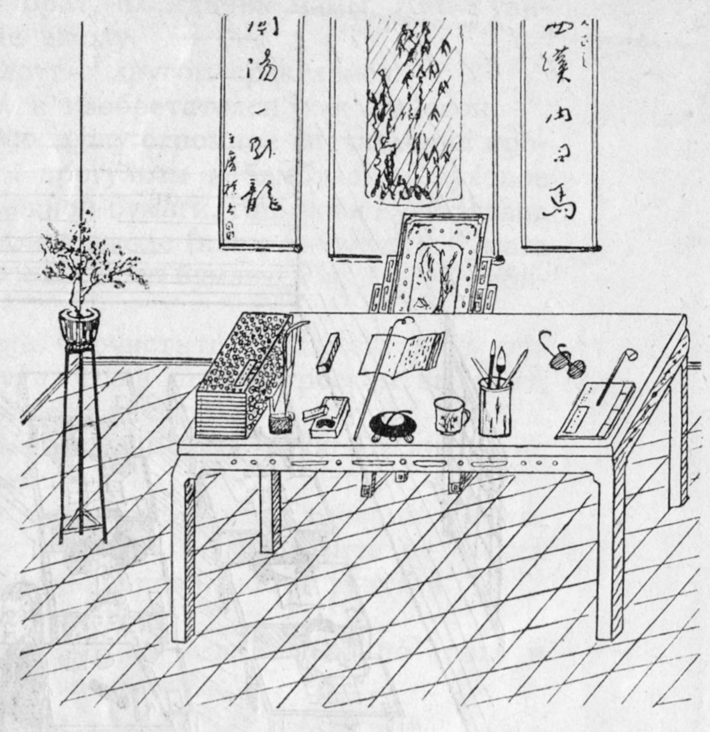
Первый мой иероглиф учительская кисточка минует. Второй обводит овальной чертой. Старые ученики тянут со своих мест головы, как гуси, и шепчут на весь класс: „яйцо".

„Яйцом" учитель отмечает хорошо написанные иероглифы, а кляксовые и каракулястые перечеркивает.

Ученики, неся от учительского стола исписанные листы, показывают классу на пальцах, сколько яиц.

Когда я вернулся домой, дядя, бабушка и мама обступают меня, допытываясь, сколько яиц получил.

А получил я в первый день моего писания четыре яйца.

Стол учителя

— Когда получишь сплошь все яйца,—острит бабушка,—дам тебе настоящее яйцо в награду.

День за днем, как шпала за шпалой. А я старательным паровозиком иду от иероглифа к иероглифу, от страницы к странице, обгоняя тупиц и соревнуя со способными товарищами.

А впрочем я в то время паровозов не видал и об них ничего не знаю.

Через месяц я нагоняю просидевших в классе полгода. Учитель пишет иероглиф, оставляя перед ним и после него несколько не занятых мест. В эти места надо вписать другие иероглифы, чтобы таким образом получилась связная фраза.

Тучные, заплывшие лентяи класса безразлично следят за моими успехами.

За три года они накопили в своей голове меньше, чем я за три месяца.

Школа для них—один сплошной многолетний зевок. Как тупоносые куры, клюют они по 20, по 30 раз зерно иероглифа и все-таки не могут его заглотить. Их глаза, скользя над страницами, упорно прилипают к стеклу окна, за которым жирная зелень деревьев прячет розовые, желтые и оранжевые плоды учительского сада.

Но товарищи, честолюбие которых раздувается не меньше моего, шутя уходят от меня вперед.

Помню одного. С ним состязаться я не могу. Ему достаточно взглянуть только один раз на самый сложный иероглиф, чтобы тотчас его запомнить.

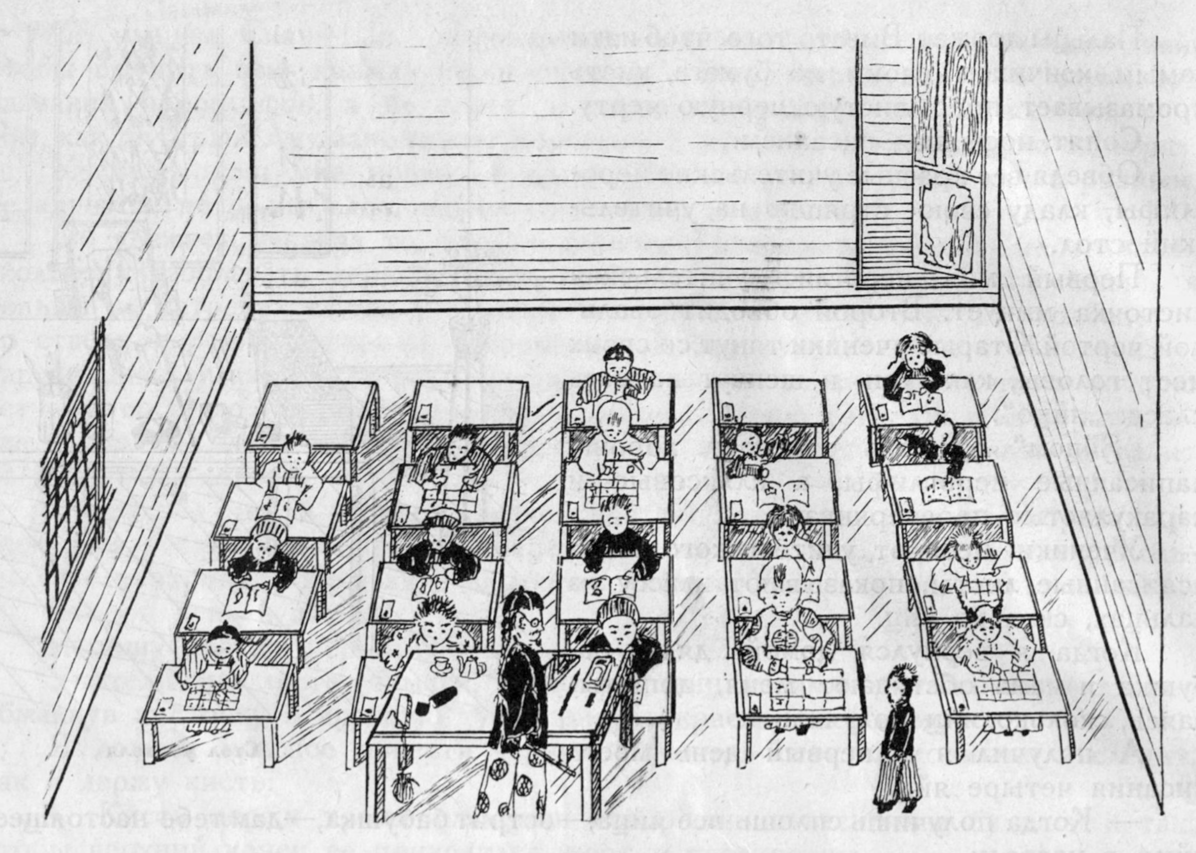
Сквозь трудные чащи письмен он идет улыбаясь и танцуя.

Сейчас он просит милостыню в нашей деревне. Школы он не кончил.

Случилось это так: мать его, вдова, курила опиум. Кроме опиума, она ничего в жизни не видела. Опийным чадом в толстую трубку вылетел дом, сад, все имущество ее.

В это время мой товарищ получил наследство от бездетного дяди. Мать на это имущество прав не имела. Чтобы завладеть этим наследством, она приучила своего сына, мальчишку-школьника, тоже курить опиум.

Трубка за трубкой втягивала она его в это ядовитое дело. Он перестал заниматься. Его глаза потускнели, он ослаб. Весь день был вял и сонлив и оживлялся только к ночи. Ведь опиекурильщики, как летучие мыши, ночные животные. Он разучился держать кисть. Его выгнали из школы. Его глаза загорались только при виде опийной трубки, в которую легким дымом вылетало дядино наследство. А потом и наследство кончилось, и он вышел на перекресток Лин-Сы, и в ладонь его звякнули первые гроши подаяния.

Школа

Он собирал эти гроши не на хлеб. Он собирал их на трубку опия.

В перерыв между уроками „примерные" бродят с книжкой, высасывая глазами ее страницы. Лентяи оживляются и норовят в сад, поближе к фруктам. Жена учителя их видит, но немедленно же опускает глаза. Она слишком добра и слишком нежна, чтобы подвести их под грозу. Она проходит садом, не желая никого замечать.

Воришки чавкают плоды, шелестят листьями и наглеют.

Однажды учитель приводит пойманного плодокрада в класс.

Он гневен. Трясется. Мерзлыми каплями... каплют на голову преступника его рассуждения.

— Не то скверно, что ты ел фрукты. Мой сад открыт всем достойным ученикам. А то гнусно, что такой непроходимый лентяй и невежда, как ты, вместо чтения книги ворует мои фрукты. Я запрещаю лентяям, подобным тебе, прикасаться к фруктам.

Затем он снимает со стены крепкий бамбуковый жолоб, схватывает виновника за пальцы левой руки и бьет его бамбуком по ладони и по спине.

Ученик, от боли топоча ногами, прорывается воплем. Немедленно к его неистовому крику я присоединяю свой смертельно перепуганный визг. Я в первый раз вижу телесное наказание, и оно выше моих нервов.

Все удивлены: класс, учитель, даже преступник. Учитель перестает бить, класс пучит глаза на меня.

— В чем дело?

— Боюсь,—отвечаю я.

Весь класс грохает смехом. Даже истязуемый щурит мокрые глаза. Даже никогда не улыбающийся учитель улыбается. Но он немедленно же гасит улыбку, хлопает доской по столу на грохочущий класс, берет меня за руку и уводит к своей жене.

Когда я вернулся в класс, все было в порядке. Только изредка всхлипывал над бумагой, глазом косясь в садовое окно, наказанный.

С тех пор перед экзекуцией учитель всегда отсылал меня к учительше. Она, тихая, добрая, бессловесная, кормила меня конфетой или персиком или, взяв за руку, водила, по саду подальше от классной комнаты, где в это время, под свист и шлепки бамбука, извивался, выл и визжал истязуемый.

К нам в дом приехал мой двоюродный брат, племянник мамы, Ляо Гуэй-Чжан. Он мне ровесник и поступил в ту же школу.

Вместе живем, вместе учимся, крепко друг с другом срастаемся.

Гуэй-Чжан хитер, как пять дипломатов, и изобретателен, как Эдиссон.

На мою домоседную и глубоко штатскую душу огромное впечатление производит его любовь к сложным и дальним прогулкам и бамбуковое духовое ружье. Оно стреляет пульками из наслюнявленной бумаги. Карманы Гуэй-Чжана всегда набиты бросовой бумагой, подобранной в школе (наша китайская бумага для письма похожа на вашу европейскую пропускную бумагу. Она быстро вбирает в себя влагу).

Надо срезать бамбуковое тонкое коленце, прочистить канал, заткнуть оба конца мокрыми бумажными пыжами и дунуть. Один пыж с треском вылетит, как пуля, а другой станет пулей для следующего выстрела.

Ружье Гуэй-Чжана заразительно, как скарлатина. В десять дней в школе не осталось ни одного ученика без духового ружья.

Сначала палят друг в друга на дворе в перерыв между уроками. Потом робко постреливают на уроках. Потом робость проходит, и комната из класса превращается в артиллерийский полигон. Наконец, попадают в учителя.

Он спрашивает: „Кто зачинщик?" Класс уперся.

Учитель снимает с гвоздя бамбуковую линейку, ударяет ею по столу и сообщает, что будет бить всех под ряд, пока не сознаются.

Тогда из-за стола поднимается предатель и показывает на Чжана.

Учитель 30-ю ударами истерзывает Чжану левую ладонь, затем тычет его в книжку и приказывает читать.

Ляо отказывается. Он упрям и считает, что один урок не в силах вместить два таких серьезных дела, как порка и чтение.

Учитель поглядел на него и смолчал.

Нет парнишки в классе, которого бы учитель бранил больше, чем Ляо Гуэй-Чжана. Ляо на редкость талантлив и школьную мудрость хватает на-лету, полушутя. Он умеет ответить на любой вопрос учителя. За ум, талант и живость старик его любит обидчивой скрипучею любовью и не раз повторяет, вешая на стену бамбуковую планку:

— Если ты, Гуэй-Чжан, перестанешь быть лоботрясом, цены тебе не будет.

ОТЕЦ

Младший дядя—высокий и здоровущий парень. Он учит ребят в казенной школе Лин-Сы, и ребята любят его, постоянно улыбающегося силача.

Старший дядя хитрит, подковыривает, нервничает. Младший всегда ясен, прост и прям.

Но иногда наступают дни, когда с лица младшего дяди сползает улыбка, он куда-то исчезает, прибегает, ходит советоваться к маме на кухню. Я слышу обрывки их разговоров:

— Старый Тунг не хочет.

— А молодой?

— А молодой уже использован в прошлом году.

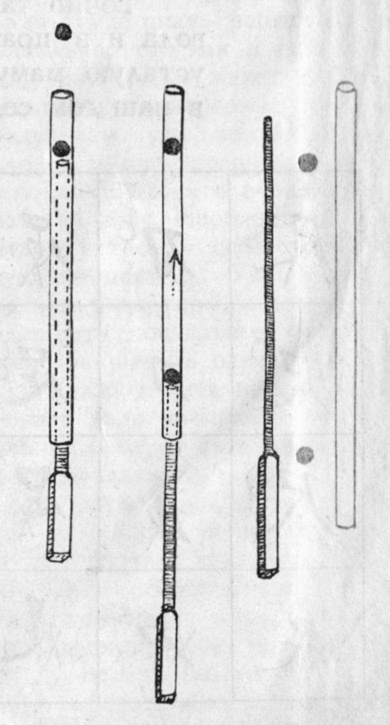
— Возьмите третьим Чжао. Ему все равно через два года надо выдавать сына. Или кривого Ванга.

— Ванга боюсь. Он только и ждет моего приглашения, чтоб потребовать от меня ответного вхождения в его общество.

Имена накладываются на имена. По пальцам пересчитывают, вспоминая родичей и свояков, которых в округе сотни. Дядя снова скрывается. Ходит с визитами, кого-то навещает и наконец, совсем заморенный, в последний раз является к маме на кухню и говорит:

— Готово. Все десять найдены. Готовьте обед!

И мирная улыбка снова прочно оседает на его высоко поднятом над землею лице.

Духовое ружье китайских школьников

Я знаю, что это за таинственная беготня. Это дядя раздобывает денег на отца.

Обучение отца в Японии обходится в 400—500 даянов в год. Самое большее, что мы можем отщипнуть от нашего мандаринника и от учительских заработков,—сто даянов в год. Чтобы добрать остальные, младший дядя бегает стряпать круговые займы.

В круговом займе, обычно, человек десять. Они складываются, скажем, по 50 даянов. Так составляется полтысячи, нужные организатору кругового займа. На следующий год складываются все, кроме первого приглашенного, и полтысячи идут ему в карман. На третий год полтысячи получает второй приглашенный и т. д., пока через 10 лет заем не будет погашен.

Так мы оборачиваемся с уплатой за отца, ежегодно сколачивая круговые займы, с каждым годом все больше и больше, и платим взносы из тех ста даянов, что прикапливаются у нас за год.

Из кухни валит пар, из трех топок гремит пламя. Даже бабушка совсем забывает меня. Это готовится приветственный обед очередной десятке кредиторов. Кисть крепнет в моих руках. Множатся иероглифы в голове. Несчетное количество „яиц" приношу я с уроков каллиграфии.

Старший дядя входит в дом быстро и торжественно.

— Отец скоро вернется. Садись и слушай меня.

И медленным распевом, роняя слова, как быстрые бусинки, он мне читает древнее стихотворение, времен танской династии, а я гляжу ему в рот и затверживаю за ним торжественные и жалобные строки, посвященные человеку, который возвращается домой после многолетнего отсутствия:

„Молодым уходишь из семьи,
Старым возвращаешься в семью.
Речь родная прежнею осталась,
Но усы и волосы седы.
Дети, увидав, не узнают
И с улыбкой спрашивают гостя:
Как вас звать?
Откуда?
Кто вам нужен?"

Я улыбаюсь последней строке.

Точно такие слова я с обязательной улыбкой говорю в праздник Нового года и в праздник Дракона, когда, изображая собой главу семьи и заменяя усталую маму, я—коротышка—выкатываюсь в гостиную навстречу входящим в наш дом седо-лысым, тучным, громадным знакомым:

„Как ваша уважаемая фамилия?
Откуда вы изволили прибыть?
Кого вам угодно видеть?"

— Этим стихом ты будешь приветствовать отца,—говорит дядя и, пряча от меня глаза, взволнованно выходит. Я недоумеваю.

При имени отца старший дядя обычно хмурится и жалуется, что отец, бросив хорошее место помощника в его, дядиной, школе, уехал самовольно в Японию.

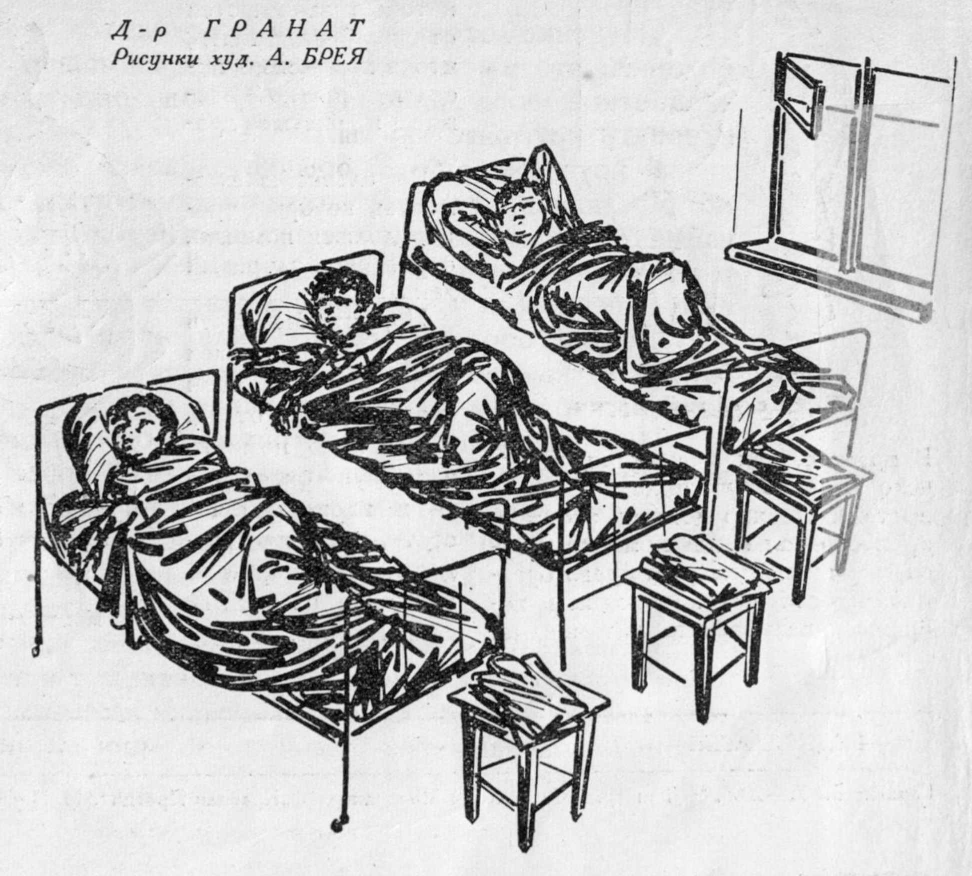
На дорогу отец занял у мужа сестры деда 70 даянов и на них доехал до Шанхая. Только оттуда он прислал письмо в семью. Только из этого письма старший дядя узнал, где отец. Он рассвирепел и поклялся не давать отцу ни копейки—вот почему круговые займы организовывал младший дядя.

(*Продолжение следует*)

Лист с иероглифами китайского школьника. Хорошо написанные отмечены яйцом или двумя, рядом с плохими—крест.

ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ ЗИМОЙ

Д-р ГРАНАТ
Рисунки худ. А. БРЕЯ

Мы спим при открытой форточке. Наше платье сложено на табуретах, руки лучше всего держать поверх одеяла

КАЖДЫЙ СЛЕДИТ ЗА СВОЕЙ МАШИНОЙ

Пионеры должны помнить, что наше тело можно сравнить с хорошо устроенной машиной. Эта машина только тогда работает без перебоев, когда в нее во-время вводится топливо (пища), когда во-время успевают удаляться все отбросы, и машина очищается (время отдыха). Чтобы эта машина не изнашивалась скоро, а, наоборот, крепла и росла, нужно, чтобы она работала только определенное число часов в сутки. Но есть и большая разница между машиной и нашим телом. Все перечисленные требования по отношению к телу стоят в тесной зависимости от нащего возраста. Чем моложе наше тело, тем меньше оно должно работать, тем больше отдыхать и тем большее количество раз принимать пищу. Вспомним грудного ребенка: он все время спит, ничего не делает и ест очень часто.

Сколько же часов может работать пионер зимой?

	В возрасте от 8—10 л.	11—14 л.	14—16 л.
В школе	4 ч.	4 ч.	5 ч.
В пионерск. отряде и общественная работа в школе	1 „	2 „	2 „
Домашняя работа	$1^1/_2$ „	$1^1/_2$ „	2 „

Необходимо, чтобы не всю работу (физическую, умственную) делать под ряд. В самой работе должны быть промежутки. Вспомним, что такие промежутки, в виде перемен, есть и в школе. Если пионер работает пару часов в отряде или дома, он должен обязательно в течение работы дать себе один или два отдыха в несколько минут. После работы надо отдыхать.

Как должен пионер проводить зимний свой отдых и где? Лучше всего—занимаясь одним из видов зимней физкультуры. Надо стараться все свое свободное время проводить на улице. Мы считаем, что зимой пионер должен быть на воздухе не меньше трех часов ежедневно. Пионер должен постараться устроить прогулку всей семьей. Особенно легко это сделать в воскресный день. Прогулка на свежем морозном воздухе укрепляет наши мышцы, возбуждает наш аппетит, успокаивает наши нервы. Надо обязательно заниматься хотя бы одним из видов зимнего спорта: коньки, лыжи, салазки. Лучше всего и организованнее всего это будет там, где отряд позаботится устроить при своем клубе зимнюю площадку. Для этой цели нужно объединиться нескольким отрядам, можно использовать близлежащие катки. Надо помнить, что занятия отряда и звена лучше всего проводить на свежем воздухе вообще. Кроме дневного отдыха, есть и ночной, т.-е. сон. Спать пионер тоже должен определенное время—не меньше и не больше. Как можно меньше времени уделяйте душному кино! С одной стороны, здесь сидеть в душном помещении, а с другой, отнимаешь время сна.

Ребенок от 8 до 10 лет должен ложиться не позднее 9 часов, вставать в 8 час. утра (11 час. сон), от 11—14 лет: ложится в 10 час., встает в 7 час. 30 м., т.-е. спит 9 ч 30 м.; от 14—16 лет: ложится в 11 час., встает в 7 час. 30 м. (сон 8 ч. 30 м.).

Сон идет в пользу человеку только тогда, когда он протекает правильно. Часто в наших семьях поступают так: имеются две комнаты, одна—светлая, другая темная или полусветлая. В светлой устраивают столовую, там принимают гостей, а спальню устраивают в темной. Особенно охотно кладут туда спать ребят. Это неправильно, так как в темном помещении больше живет микробов, вызывающих заразные болезни, воздух там хуже, чем в светлой, и человек может заразиться во сне. Надо помнить, что очень вредно спать на полу. Необходимо постараться устроить себе хоть простую, но постель. Укрываться не платьем, а одеялом, и постараться раздобыть постельное белье. Не нужно закрывать одеялом голову, руки должны быть поверх одеяла и спать надо на правом боку. На ночь не следует пить много воды, чая и наедаться.

Еще есть вещь, которой многие из наших ребят не уделяют достаточно внимания. Это—еда. Надо помнить, что наш желудок привыкает в определенный срок выделять сок, который служит для переваривания пищи. Надо пищу обязательно принимать в определенное время (по часам), лучше всего раза четыре в день.

Перед едой мойте руки

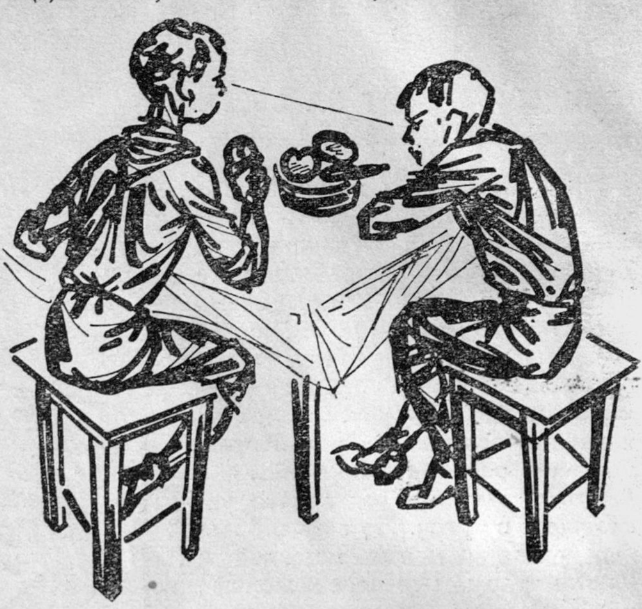
В промежутках между пищей ничего не есть (ни яблок, ни сладостей). Пионер должен избегать крепкого чая и кофе, много уксуса, горчицы. Для растущего организма особенно необходимы вещества, называемые витаминами. Их много содержится в сырых овощах и фруктах, поэтому мы советуем ребятам есть сырую репу, морковь, капусту и сырые фрукты. Девочкам, которые занимаются стряпней, надо знать, что в ход можно пускать только свежие и чистые продукты.

Вот главнейшие моменты, которые пионер должен помнить, строя свой здоровый день.

Но, чтобы быть здоровым, он должен перенести все свои сведения и в отряд. Здесь надо помнить в первую очередь о свежем воздухе, о чистоте, устроить раздевальню, обратить внимание на работу санкома и т. д.

Многое пионер не в силах исправить, но оздоровить свою жизнь он может.

* * *

Мы едим свежую репу, морковь, капусту. Очень вкусно. Всем советуем

РЕДКОЛЛЕГИЯ **ОТВ. РЕДАКТОР**—*Н. СЛЕПНЕВ*

Главлит № А—6166. Типогр. и Словол. 3-я Мосполиграф „Красная Пресня“, М. Грузинская, Столярный, № 5/7. Тираж 32.000